

ISSN 2072-8557

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия **ЮРИСПРУДЕНЦИЯ**

№ 2 / 2013

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

<i>Гольшиев В.Г.</i> ОТ ЗАКОНА К ЗАКОНУ ИЛИ НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЗАКУПКАХ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НУЖД (ОТ XIX ВЕКА ДО НАШИХ ДНЕЙ).....	5
<i>Козьякова Н.С.</i> ГЕНЕЗИС ДОГОВОРА ЗАКОНА И ВЛАСТИ В ВЕТХОМ ЗАВЕТЕ	12

РАЗДЕЛ II. ЧАСТНОЕ ПРАВО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

<i>Гольшиева А.В.</i> О ВИНЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ.....	16
<i>Куркина Н.В.</i> К ВОПРОСУ О ЗАПРЕТАХ КАК ФОРМЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	23
<i>Прокопенко О.П.</i> К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОМ ПАРТНЕРСТВЕ В ДОГОВОРНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ	29
<i>Семькин В.В.</i> ПОНЯТИЕ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В ТЕОРИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	34
<i>Шнякина Т.С.</i> ЛИШЕНИЕ И ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ ИМУЩЕСТВА КАК СПОСОБЫ ОГРАНИЧЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ	39

РАЗДЕЛ III. УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ, БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

<i>Сарнавский А.Н.</i> ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ВОЖДЕНИЯ ИЛИ ЭКСПЛУАТАЦИИ ВОЕННЫХ МАШИН ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	47
--	----

РАЗДЕЛ IV. ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЁНОГО

<i>Литовкина М.И.</i> РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛЕКАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ОБЯЗАННОСТЬ ГОСУДАРСТВА	53
<i>Севрюков Д.С.</i> ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОСНОВАНИЙ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ СУДЕЙ В 1936-1977 гг.	59

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Межвузовский Круглый стол на тему: «Концепция развития гражданского права: настоящее и будущее»	68
НАШИ АВТОРЫ	69

CONTENTS

SECTION I. HISTORY AND THEORY OF STATE AND LAW. POLITICAL ISSUES

<i>V. Golyshev.</i> FROM LAW TO LAW OR SOME COMMENTS ON THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN PUBLIC PROCUREMENT LEGISLATION (FROM THE 19 TH CENTURY TO THE PRESENT).....	5
<i>N. Kozyakova.</i> GENESIS OF LAW AND POWER CONTRACT IN THE OLD TESTAMENT	12

SECTION II. PRIVATE LAW AND ENTREPRENEURSHIP

<i>A. Golysheva.</i> ON JURIDICAL PERSONS' GUILT.....	16
<i>N. Kurkina.</i> TO THE PROBLEM OF PROHIBITION AS A FORM OF CIVIL LAW REGULATION.....	23
<i>O. Prokopenko.</i> TO THE PROBLEM OF STATE-PRIVATE PARTNERSHIP IN CONTRACTUAL REGULATION.....	29
<i>V.Semykin.</i> THE CONCEPT OF MORAL DAMAGE IN THE THEORY OF CIVIL LAW AND RUSSIAN LEGISLATION	34
<i>T. Shnyakina.</i> DEPRIVATION AND COMPULSORY ALIENATION OF PROPERTY AS WAYS OF RESTRICTING SUBJECTIVE CIVIL LAW OF PROPERTY	39

SECTION III. STRENGTHENING THE RULE OF LAW SCIENCE, FIGHT AGAINST CRIME

<i>A. Sarnavsky.</i> THE RESPONSIBILITY FOR INFRINGEMENT OF DRIVING RULES OR MILITARY MACHINES OPERATION UNDER CRIMINAL LEGISLATIONS OF UKRAINE AND RUSSIAN FEDERATION.....	47
---	----

SECTION IV. TRIBUNE YOUNG SCIENTIST

<i>M. Litovkina.</i> LEGISLATION DEVELOPMENT IN DRUG SAFETY ENSURING AS STATE CONSTITUTIONAL RESPONSIBILITY	53
<i>D. Sevryukov.</i> THE LEGISLATIVE REGULATION OF JUDGES' OFFICE TERMINATION IN THE PERIOD FROM 1936 TO 1977.....	59

SCIENTIFIC LIFE

INTER-UNIVERSITY ROUNDTABLE: «THE CONCEPT OF CIVIL RIGHTS: PRESENT AND FUTURE»	68
OUR AUTHORS	69

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК: 347.113

Гольшев В.Г.

Московский государственный областной университет

ОТ ЗАКОНА К ЗАКОНУ ИЛИ НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЗАКУПКАХ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НУЖД (ОТ XIX ВЕКА ДО НАШИХ ДНЕЙ)

V. Golyshev

Moscow State Regional University

FROM LAW TO LAW OR SOME COMMENTS ON THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN PUBLIC PROCUREMENT LEGISLATION (FROM THE 19TH CENTURY TO THE PRESENT)

Аннотация. Дан анализ проекта Федерального закона «О федеральной контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг». Нормы данного законопроекта сравниваются с действующим Федеральным законом «О размещении заказов на поставки товаров, выполнении работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» и Положением о казённых подрядах и поставках 1900 г. В сравнительно-правовом аспекте анализируется система принципов, предложенная законопроектом, и общее содержание указанных нормативных правовых актов. По результатам проведённого исследования автор приходит к выводу о некорректном позиционировании предлагаемого правительством законопроекта в качестве «принципиально нового закона».

Ключевые слова: законодательство, государственные нужды, контрактная система, заказчик, муниципальные нужды, эффективность, бюджетные средства.

Abstract. The article analyzes the draft of the Federal Law “On the federal contract system in the procurement of goods, works and services.” The norms of the bill are compared with the current Federal Law “On placing orders for goods, works and services for state and municipal needs” and the Provision of treasury outsourcing and supply (published in 1900). The system of principles proposed in the bill and the total content of these regulations are considered in the comparative legal aspect.

According to the results of the study the author finds the positioning of the proposed government bill as “... a fundamentally new law” incorrect.

Key words: legislation, state needs, contract system, customer, municipal needs, effectiveness, budgetary funds.

Более семи лет действует Федеральный закон «О размещении заказов на поставки товаров, выполнении работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» [6]. Ему на смену в ближайшем будущем планируется принятие нового нормативного правового акта, а именно – закона «О федеральной контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг»¹ [5], прошедшего в Государственной думе Федерального собрания Российской Федерации первое чтение [3]. Данный законопроект разрабатывался во исполнение поручения Президента Российской Федерации от 28 марта 2011 г. № Пр-772 (абзац первый) о необходимости разработки и внесения пакета законопроектов, направленных на комплексное совершенствование законодательства в сфере государственных и муниципальных закупок и формирование федеральной контрактной системы, а также утверждение организационной структуры управления федеральной контрактной системой. Пояснительная записка к законопроекту позиционирует будущий закон как «принципиально новый» [4]. Именно так его воспринимает и Комитет Государственной думы по экономической политике, инновационному развитию и предпринимательству [1].

Если под принципиальной новизной законопроекта понимать основанную на новых принципах построения и взаимодействия систему правовых норм, регулирующих общественные отношения определённого вида, то в этом случае мы должны получить качественно и содержательно отличную модель правового акта, которая существенно (вплоть «до неузнаваемости») меняет действующую схему правового регулирования. Если же речь идёт лишь о расширении спектра общественных отношений, необходимых для правового регулирования единым правовым актом, то о «принципиальной новизне» можно вести речь лишь весьма и весьма условно. Обратившись к анализу представленного к первому чтению законопроекта,

¹ Закон 44-ФЗ принят 05.04.2013 и вступает в действие с 01.01.2014.

представилось возможным сделать вывод о сильно преувеличенной, с нашей точки зрения, «принципиальной новизне» этого акта. То, что законодатель предлагает нам новый закон, не вызывает сомнений, как не вызывает сомнений и острая необходимость обновления законодательства о закупках для государственных нужд. Однако выражение этой самой новизны в законе должно, очевидно строиться на неких принципах, не положенных в основу действующего или ранее действовавшего законодательства. В этой связи данному аспекту следует уделить особое внимание.

Как видно из содержания ст. 6 законопроекта, федеральная контрактная система основывается на таких принципах, как открытость (прозрачность) федеральной контрактной системы, конкуренция в федеральной контрактной системе, профессионализм заказчика, единство федеральной контрактной системы, ответственность за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд и эффективность расходования бюджетных средств. Следует отметить, что сам факт предпринятой попытки законодателя сформировать систему принципов, определяющих состояние и функционирование федеральной контрактной системы, заслуживает, на наш взгляд, одобрения и поддержки. Вместе с тем логично обратиться к оценке содержания предложенных принципов в контексте их способности принципиально обновить действующее законодательство в рассматриваемой сфере.

Принцип **открытости**, как видно из содержания ст. 7 законопроекта, предполагает обеспечение свободного и безвозмездного доступа к информации о федеральной контрактной системе. Необходимо отметить, что вопросу открытости и доступности (прежде всего – торгов) уделялось серьёзное внимание ещё в Положении о казённых подрядах и поставках, регулировавших отношения о закупках для государственных нужд в XIX в. [2]. Так, например, в соответствии со ст. 95 данного положения «...казённые места и лица обязаны: 1) составлять объявления о вызовах к торгам,

с изъяснением, в чём именно состоит предмет торга, качество и количество подряжаемого, когда именно и где назначается быть торгам и переторжке; 2) объявлять благовременно о предстоящих торгах и о допущении всех лиц, желающих в оных участвовать и имеющих на то право». В соответствии со ст. 96 «...Чем важнее предмет и сумма, тем благовременнее должно быть сделано объявление». Кроме того, в ст. ст. 97, 98 и др. достаточно подробно изложены правила, обеспечивающие открытость торгов и доступность участия в них. Надо отметить, что и действующий закон видит обеспечение гласности и прозрачности размещения заказов в качестве реализуемой этим законом цели (п. 1 ст. 1 ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнении работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»). Таким образом, об открытости как новом, провозглашённом в законопроекте принципе, что видно из приведённых примеров, говорить не приходится.

В соответствии со ст. 8 законопроекта, принцип **конкуренции** в федеральной контрактной системе призван обеспечить создание равных условий для конкуренции между поставщиками (подрядчиками, исполнителями) при обеспечении государственных и муниципальных нужд в товарах (работах, услугах). Следует отметить, что правовые основы для развития конкуренции имели место как в Положении о казённых подрядах и поставках, так и в действующем Законе. В качестве примера можно привести положения ст. 99 Положения о казённых подрядах, в соответствии с которыми «Каждый желающий вступить в торг, обязан со времени последнего вызова через публичные ведомости, до вступления в оный, представить при просьбе надлежащие документы, выше сего определённые». В последующих статьях данного положения также встречаются формулировки, наглядно иллюстрирующие поддержания действовавшим на то время законодательством конкурентных начал при производстве торгов: «Желающие участвовать в торгах...» (ст. 100), «Торг производится общий со всеми...» (ст. 102) и т.д. Что же

касается действующего Закона, то в п. 1 ст. 1 этого нормативного правового акта прямо указано, что развитие добросовестной конкуренции является составной частью целей его регулирования.

Принцип **профессионализма** заказчика в соответствии со ст. 9 Законопроекта предполагает осуществление деятельности заказчика, уполномоченного органа, специализированного органа и надзорного (контрольного) органа преимущественно на профессиональной основе с привлечением к работе квалифицированных специалистов, обладающих теоретическими знаниями, опытом и навыками в сфере осуществления закупок. Стремление законодателя посредством профессионализации соответствующих процессов добиться эффективного распределения бюджетных средств давно прослеживается в российском законодательстве. Не является исключением из этого и Положение о казённых подрядах, которое довольно подробно определяет требования как формального, так и содержательного характера, касающиеся процедур и оценки результатов торгов. Заметной иллюстрацией этому является содержание ст. 123, в соответствии с которой «Для окончательного после торгов заключения о законности и выгоды предполагаемого договора, надлежит принимать в соображение: 1) соблюден ли установленный порядок в производстве дела; 2) сообразны ли условия, принятые основанием договора, общему правилу, в статье 91 постановленному, а если сделаны какие либо отступления или перемены, то уважительны ли представленные ни сие причины; 3) обеспечивается ли казна согласно правилам. Выше сего в статьях 38-86 изложенным; 4) имеет ли лицо, заключающее условие, свойства и принадлежности, выше в статьях 2-11, определённые; 5) не превосходят ли подрядные цены средних справочных». Следует заметить, что и действующий Закон в ст. ст. 6 и 7 указывает на участников процесса размещения государственного заказа как на профессиональных субъектов возникающих правоотношений. В данном случае имеются в виду специали-

зированные организации и комиссии по размещению заказов.

Принцип **единства федеральной контрактной системы** (ст. 10 законопроекта), пожалуй, может претендовать на новизну, принимая, однако во внимание не столько значение слова «единство», сколько отсутствие федеральной контрактной системы как таковой. Если же во главу угла ставить реализацию единых принципов и подходов, позволяющих обеспечивать государственные и муниципальные нужды посредством последовательной и эффективной реализации предусмотренных законодательством этапов (как это указано в ст. 10 законопроекта), то «новизна» идеи «единства системы» как таковой вызывает серьёзные сомнения. Полагаем, что любой закон предполагает реализацию единых правил для определённых им случаев. Об этом мы можем судить и по содержанию самих законов. Так, например, в соответствии со ст. 1 Положения о казённых подрядах «Казна в производстве договоров подряда и поставки поступает однообразно на основании общих правил, содержащихся в сем положении...». Непосредственно об обеспечении единства идёт речь и в ст. 1 действующего Закона. Таким образом, принцип единства как таковой также вряд ли претендует на новизну в отношении законодательства о закупках для государственных нужд.

И, наконец, принцип **ответственности** за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд и эффективность расходования бюджетных средств. Надо отметить, что вопросы ответственности применительно к рассматриваемому законодательству никогда (во всяком случае, с XIX в.) не оставались без внимания со стороны законодателя. Так, например, в соответствии со ст. 179 Положения о казённых подрядах «Закключаемые со стороны казны договоры, каким бы то ни было местом или лицом, хотя бы и с казённым ущербом, и выше той суммы, на которую оно право имеет, должны оставаться в своей силе; и если по оным случится убыток для казны, то ответственность за сей ущерб обращается на ви-

новых». В действующем законе также есть норма в ст. 62, посвящённая ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов Российской Федерации о размещении заказов.

Таким образом, основываясь даже на кратком анализе указанных выше нормативных правовых актов и законопроекта, можно утверждать, что предложенная последним система принципов вряд ли может претендовать на оригинальность и, соответственно, способность определить «принципиальную новизну» основанного на них Законопроекта. Можно предположить, что новизна законопроекта выражается в том, что он предусматривает решение ряда организационных вопросов, устанавливает правовое регулирование сквозного технологического цикла закупок товаров, работ и услуг, обеспечивает возможность проведения результирующего контроля [1], т.е. направлен на полноту правового регулирования всех необходимых этапов и процессов закупок.

Действительно, содержание Законопроекта направлено на совершенствование правового регулирования соответствующих отношений в более широком объёме, чем это делает действующий Закон. Именно этим, на наш взгляд, и определяется новизна законопроекта, обусловленная эволюцией развития правового регулирования в сфере организации, проведения и обеспечения закупок для государственных нужд. Имеют место изменения в общественных отношениях – должно совершенствоваться и соответствующее законодательство. Что же касается основы для формирования общественных отношений в анализируемой сфере, то она, на наш взгляд, принципиально не изменилась. Потребность государства в приобретении для своих нужд товаров, работ или услуг не появилась вновь – она существовала, существует и будет существовать до тех пор, пока существует само государство. Соответственно и сфера государственных закупок нуждалась, нуждается и будет нуждаться в правовом регулировании, адекватном сложности и особенностям

общественных отношений складывающихся в тот или иной период существования конкретного публично-правового образования.

О новаторстве в контексте предлагаемых законопроектом принципиальных изменений уместно вести речь в случаях коренного перестроения нормативного правового акта, когда существенно меняется система принципов, пронизывающих закон, происходит трансформация самой сути регулируемых общественных отношений или иная перестройка революционного характера, характеризующаяся радикальным, глубоким по смыслу качественным преобразованием, сопряжённым с открытым разрывом с предыдущим состоянием. Полагаем, что предлагаемый правительством законопроект такого разрыва не предлагает. Он является результатом естественного развития российского законодательства, в значительной степени обеспечивающим преемственность правовых идей, нашедших своё воплощение ещё в нормах права, образующих регулятивную базу для производства государством закупок в XIX в. Не говоря уже об опыте применения действующего Закона.

Если же мы предполагаем эволюцию законодательства в рассматриваемой области,

то встаёт вопрос – насколько корректно вести речь о принципиальной новизне законопроекта, выросшего эволюционным путём из недр российского законодательства прошлого и современности. Считаем, что в данном случае это некорректно. В целях иллюстрации эволюционной природы предлагаемых законопроектом нововведений можно обратиться к содержанию указанных в настоящей статье законов (см. табл.). Как видно из текстов указанных актов, основное содержание анализируемых документов представлено разделами и, соответственно нормами, посвященными размещению заказа, особенностям соответствующих процедур (обусловленных их видовым разнообразием и целевым назначением), заключению соответствующего договора, обеспечению его надлежащего исполнения, а также ответственности участников возникающих правоотношений. Учитывая также то обстоятельство, что и принципы правового регулирования данных отношений не претерпели существенной трансформации с XIX в., можно прийти к единственному, на наш взгляд, выводу об эволюционной модели развития российского законодательства о государственных закупках современного периода.

Таблица

Содержание нормативных правовых актов о закупках для государственных нужд

Нормативные правовые акты:		
<i>Положение о казённых подрядах и поставках (XIX в.)</i>	<i>Федеральный закон «О размещении заказов на поставки товаров, выполнении работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»</i>	<i>Проект Федерального закона «О федеральной контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг»</i>
<i>Глава первая. О составлении договора о казённом подряде</i> <i>Отделение первое. О лицах, могущих вступать в подряды с казною</i> <i>Отделение второе. О местах и лицах, отдающих казённые подряды.</i> <i>Отделение третье. О условиях в договоре казённого подряда.</i>	<i>Глава 1. Общие положения.</i>	<i>Глава 1. Общие положения.</i>
	<i>Глава 2. Размещение заказа путём проведения конкурса.</i> <i>Глава 2.1. особенности размещения заказа путём проведения открытого конкурса на право заключить контракт на создание произведения литературы или искусства, исполнения. На финансирование проката или показа национального фильма.</i>	<i>Глава 2. Прогнозирование и планирование.</i> <i>Глава 3. Осуществление закупок.</i> <i>§3.1. Осуществление закупок путём проведения конкурсов и аукционов.</i> <i>§3.2. Осуществление процедур определения поставщика (подрядчика, исполнителя)</i>

Продолжение таблицы 1

	Глава 3. Размещение заказа путём проведения аукциона.	путём проведения запроса котировок. §3.3. Осуществление закупок путём запроса предложений. §3.4. Закрытые способы определения поставщика (подрядчика, исполнителя). §3.5. Осуществление закупок из единственного источника. §3.6. Исполнение контракта. §3.7. Мониторинг.
Глава вторая. О совершении договора о казённом подряде. Отделение первое. Совершение договора о казённых подрядах с производством устных торгов. Отделение второе. Совершение договора о казённом подряде с производством торгов посредством запечатанных объявлений. Отделение третье. Совершение договора по казённому подряду посредством совокупного употребления устных торгов и запечатанных объявлений.	Глава 3.1. Размещение заказа путём проведения открытого аукциона в электронной форме.	
	Глава 4. Размещение заказов путём запроса котировок.	
	Глава 5. Размещение заказа путём запроса котировок в целях оказания гуманитарной помощи либо ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного или техногенного характера.	
	Глава 6. Размещение заказа у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика) и особенности размещения заказа в соответствии с решением Правительства Российской Федерации.	
Глава третья. О исполнении и прекращении договора по казённым подрядам.	Глава 7. Размещение заказов на поставки биржевых товаров для государственных или муниципальных нужд на товарных биржах.	
Глава четвёртая. Особые правила о производстве казённых подрядов. Отделение первое. О производстве казённых подрядов в Сибири, в Кавказском крае и в туркестанском крае. Отделение второе. О производстве казённых подрядов в Финляндии.	Глава 7.1. Размещение заказов на энергосервис для нужд заказчиков.	
	Глава 8. Обеспечение защиты прав и законных интересов участников размещения заказов.	Глава 4. Аудит, надзор и контроль
	Глава 9. Вступление в силу настоящего Федерального закона и переходные положения.	Глава 5. Обжалование и досудебное разрешение споров, возникающих в сфере федеральной контрактной системы.
Приложения.		Глава 6. Заключительные и переходные положения.
Всего в нормативном правовом акте 242 статьи	Всего в нормативном правовом акте 65 статей	Всего в законопроекте 102 статьи

Следует также принять во внимание, что функции надзора и контроля за деятельностью субъектов права, равно как вопросы обжалования действий (бездействия) или досудебных способов разрешения споров, предусмотрены рядом нормативных правовых актов (как прошлого, так и современности). «Перетекание» соответствующих положений из одного закона в другой (даже с

некоторой их трансформацией) вряд ли может претендовать на «принципиальное» изменение последнего. Подводя итог изложенному материалу, представляется возможным сделать следующий вывод – позиционирование предлагаемого правительством Законопроекта в качестве «...принципиально нового закона» представляется нам не корректным по указанным выше причинам.

Только эволюционный путь развития отечественного законодательства в сфере государственных закупок способен обеспечить эффективное использование накопленного исторического опыта в целях совершенствования и оптимизации действующей нормативной правовой базы.

ИСТОЧНИКИ:

1. Заключение Комитета Государственной думы по экономической политике, инновационному развитию и предпринимательству от 15.06.2012 г. № 3.8-6/625 по Проекту Федерального Закона № 68702-6 «О Федеральной контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг» / Государственная Дума [официальный сайт]. URL: [http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=68702-6](http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=68702-6) (дата обращения 17.05.2013).
2. Положение о казённых подрядах и поставках [1900 г.] / Классика российского права [сайт]. URL: <http://civil.consultant.ru/elib/books/37/> (дата обращения 17.05.2013).
3. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва от 20.06.2012 г. № 549-6 ГД «О Проекте Федерального закона № 68702-6 «О Федеральной контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг» / Государственная Дума [официальный сайт]. URL: [http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=68702-6](http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=68702-6) (дата обращения 17.05.2013).
4. Пояснительная записка к Проекту Федерального Закона «О Федеральной контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг» / Государственная Дума [официальный сайт]. URL: [http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=68702-6](http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=68702-6) (дата обращения 17.05.2013).
5. Проект Федерального закона «О федеральной контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг» № 68702-6 внесён Правительством Российской Федерации / Государственная Дума [официальный сайт]. URL: [http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=68702-6](http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=68702-6) (дата обращения 17.05.2013).
6. Федеральный закон «О размещении заказов на поставки товаров, выполнении работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» / КонсультантПлюс – надежная правовая поддержка [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/zakupki/> (дата обращения 17.05.2013).

УДК 2–740

Козьякова Н.С.

Московский государственный областной университет

ГЕНЕЗИС ДОГОВОРА ЗАКОНА И ВЛАСТИ В ВЕТХОМ ЗАВЕТЕ

N. Kozyakova

Moscow State Regional University

GENESIS OF LAW AND POWER CONTRACT IN THE OLD TESTAMENT

Аннотация. Статья посвящена одному из центральных вопросов генезиса общественных договорных отношений в изложении Ветхого Завета. Возникновение правовой традиции отражается в этом источнике как значение божественного закона в жизни людей. Основной идеей Ветхого Завета является подчинение истории человечества и мировых законов Господу Богу. Автор рассматривает в контексте истории права соглашение с Авраамом, договор с Ноем, формы и условия заключения договора Бога с человеком. К наиболее важным моментам политико-правовым идеям Ветхого Завета также отнесены попытки осмысления места человека, системы властных отношений и законов, регулирующих человеческое поведение и общественное развитие в единстве и взаимосвязи отношений власти и законов всех уровней.

Ключевые слова: Завет, договорная теория, заповеди, Авраам, правила Ноя.

Abstract. The article is devoted to one of the central problems of the Old Testament – God's place in the world, interrelations of God and man, value of the divine law in man's life. The basic idea of the Old Testament is the submission of the history of mankind and world laws to the Lord. In the context of the history of law the author considers the agreement with Abraham, the contract with Noah, forms and conditions of making a contract between God and man. Attempts to comprehend man's position, the system of power and law relationships regulating human behaviour and social development can also be considered as the most important issues of political and legal ideas of the Old Testament.

Key words: Old Testament, contract theory, commandments, Abraham, Noah's rules.

Как известно, теория общественного договора имеет большое количество критиков. Например, Г. Спенсер утверждал, что «если каждый человек может хотеть делать то, что желает, и если при этом он не нарушит любой свободы другого человека, то он может не иметь связи с государством – то есть, не пользоваться предлагаемым им услугами защиты и не производить выплаты на их обеспечение. Но данным поведением он не причиняет вреда свободе других людей, так как его позиция пассивна, а, следовательно, оставаясь пассивным, он не будет агрессором. Он также не может принудительно поддерживать какую-нибудь политическую корпорацию без нарушения нравственного закона; потому что гражданство предполагает также уплату налогов, а конфискация имущества человека является нарушением его прав, если оно произведено против его воли» [3, с. 15]. Г. Гегель в своем учении о государстве также выступал против теории договорного происхождения государства, в связи с тем, что человек имеет естественные и неотчуждаемые права [2, с. 17]. Сложно было представить, как люди добровольно могут согласиться на значительное ущемление своего естественного права.

В противовес этой авторитетной критике идея общественного договора опирается на очень давнюю религиозную традицию. При обращении к такому источнику, как Ветхий Завет, невоз-

можно пропустить встречающиеся много раз процедуры заключения Договора. Это, прежде всего, договор с Адамом, Ноем и Авраамом, а также договор, который был заключен с еврейскими племенами при посредничестве Моисея. А также, выражаясь современным юридическим языком, «дополнительное соглашение» с иудейским народом о возобновлении Завета, который заключил пророк Неемия в период правления персов. В Новом Завете явно предполагается заимствование Божественного договора с иудеями и дальнейшее распространение его действия на другие народы, которые приняли христианство.

Анализ ветхозаветной договорной теории мы начнем рассматривать с соглашения Бога с Авраамом. Договор с Ноем являлся предтечей комплексного исследования учения о договоре в Ветхом Завете, так как отражает новый этап развития человечества и признание Богом на тот момент неспособности практически всех людей осознать свое греховное состояние и исправить его самостоятельно. Это привело к необходимости введения ряда запретов для ускорения процесса и оздоровления древнееврейского народа. Соглашение, заключенное с Ноем, имеет общечеловеческое значение и не ограничивается пределами иудейской государственности. Рассмотрим на этом примере отношения Бога и человека.

Общие положения ветхозаветного законодательства, своего рода «Гражданского кодекса», мы встречаем в начале книги Бытия [1, с. 18], где указаны семь заповедей, главных для всего человечества. Человек обязан соблюдать эти заповеди, а, со своей стороны, Бог обещает больше не наводить на землю Потоп. Каковы же были условия данного договора? Известная заповедь «плодитесь и размножайтесь» повторяется два раза. Это не только желание Бога наполнить землю, но и противопоставление убийству. Отдельно необходимо отметить, что Библия строго осуждает такого человека, который специально не вступает в брак, – для того, чтобы не иметь продолжения рода, и приравнивает это к убийству, то есть – пролитию крови:

«1. И благословил Бог Ноя и сынов его и сказал им: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю.

2. Да страшатся и трепещут вас все звери земные, и все птицы небесные, все, что движется на земле, и все рыбы морские: в ваши руки отданы они;

3. Все движущееся, что живет, будет вам в пищу; как зелень травную даю вам все;

4. Только плоти с душою ее, с кровью ее, не ешьте.

5. Я взыщу и вашу кровь, в которой жизнь ваша взыщу также душу человека от руки человека, от руки брата его.

6. Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека: ибо человек создан по образу Божию;

7. Вы же плодитесь и размножайтесь, и распространяйтесь по земле, и умножайтесь на ней [1, с. 18]».

Родоначалником еврейского народа, а также ряда других семитских народов (в том числе арабов), в соответствии с библейским преданием, был Авраам – потомок Евера и внук Сима, первого сына Ноя. Его семья была единственной, которая осталась после Всемирного потопа в живых. Из Ура Халдейского Авраам вместе со своей семьей совершил невероятной большой, по ветхозаветным временам, переход в Ханаан из Южного Междуречья. По пути в Ханаан на месте современной Турции (Харран) Авраам заключил завет с Богом, который известен как «завет обрезания» [1, с. 1127], что в определенной степени является аналогом обязательства. Но, конечно, стороны в данном обязательстве не являются ни должником, ни, тем более, кредитором, так как Авраам следовал за Господним призывом добровольно, следовательно, под понятие оспоримости или ничтожности и т.д., согласно ст. 9 современного ГК РФ, эти действия не попадают. Призвав Авраама из его окружения за Евфратом, которое было идолопоклонническим [1, с. 21], Бог обещал Аврааму семь благословений, которые перечислены в книге Бытия 12:2-3. Главное из данных благословений заключалось в том, что на земле от Авраама произошел великий народ.

Но Божественное обещание Аврааму земли для его народа раскрывается не сразу, а в три этапа, постепенно. После того, как Авраам прибыл в Ханаан из Харрана, он услышал: «Потомству твоему отдам Я землю сию. И создал он там жертвенник Господу, Который явился ему» [1, с. 22]. После отделения Лота ему было сказано: «Ибо всю землю, которую ты видишь, тебе дам Я и потомству твоему навеки». Исходя из этих событий, делаем вывод, что Авраам, выражаясь современным юридическим языком, стал одной стороной в договоре дарения, т.е. одаряемым, так как это можно увидеть в выполнении им необходимой юридической процедуры, согласно ветхозаветным законам [1, с. 23]: «Встань, пройди по земле сей в длину и в ширину ее, ибо Я тебе дам ее». Следующий этап – оферта, смысл сущность которой раскрывает 15-я глава. Право Авраама владеть даром – землей закрепляется акцептом заключения договора, в котором другой стороной, т.е. дарителем является Сам Бог: «В этот день заключил Господь завет с Авраамом, сказав: потомству твоему даю Я землю сию, от реки Египетской до великой реки, реки Евфрата: Кенеев, Кенезеев, Кедмонеев, Хетеев, Ферезеев, Рефаимов, Аморреев, Хананеев, Гергесеев и Иевусеев» [1, с. 24].

Рассмотрим теперь форму заключения договора. В книге Бытия [1, с. 21-24] даны описания необходимых действий, сопровождающих процедуру заключения договора между Богом и Авраамом. В связи с тем, что очень многие обязательные атрибуты древности невозможны в современном обществе, то практически невозможно понять точное значение различных моментов, для этого необходимо обращаться к библейской экзегетике. Древние договоры, как правило, включали несколько различных частей:

– представление стороны – автора или его представителя, от имени которого заключался в дальнейшем договор;

– предмет договора, т.е. история, или предыстория, которая раскрывала суть взаимоотношений договаривающихся сторон;

– существенные условия – пункты, о которых договаривались стороны (иногда они подразделялись на общие и частные);

– указание на форму договора как особый документ, и, следовательно, специальные условия его хранения и чтения, что было обязательным для всех сторон;

– обращение к богам, которые должны были выступать свидетелями договора и гарантами его исполнения;

– ответственность за неисполнение договора – перечисление благословений за исполнение договора и проклятий за его нарушение [4, с. 245].

В Священном Писании нет прямого указания на письменную форму заключения завета Бога и Авраама, но это не делает его недействительным, так как согласно древнему закону было возможно заключать договоры не только в письменной, но и в устной форме. Это правило действует и в современном Израиле, о чем прямо говорит закон о договорах 1973 г. Название «Ветхий Завет» мы встречаем у апостола Павла, где прямо указывается, что Священное Писание – это Божий завет, т.е. договор Бога с людьми: «Но умы их ослеплены: ибо то же самое покрывало доныне остается неснятым при чтении Ветхого Завета, потому что оно снимается Христом» [1, с. 1244]. Следовательно, от книги Бытия до книги пророка Малахии можно назвать заветом, т.е. договором. Таким образом, можно сделать вывод, что договор о законе и власти в Ветхом Завете представляет соглашение, которое Бог заключал с Авраамом, Ноем, Моисеем и другими людьми. Предметом данного договора было ветхозаветное нематериальное благо – хранение истинной веры среди распространившегося на земле язычества. Характер двустороннего взаимного договора завет получил в лице Авраама, который стал родоначальником избранного народа и принял на себя специальную историческую миссию – хранить истинную религию среди языческого мира. Обрезание стало служить знаком принятия завета. Первая стадия договора была заключена на этом этапе.

Вторая стадия началась после выхода евреев из Египта. В дальнейшем на горе Синай через Моисея Бог заключил с еврейским народом следующий завет, который должен был частично служить подтверждением прежнего договора, и выражением этого завета стало синайское законодательство. Данной целью было не только выделение израильского народа из среды остального человечества, а также его избрание для сохранения и развития семян истинной веры, предназначенной в дальнейшем для распространения на все человечество [1, с. 246]. Бог становится царем израильского народа, получает верховную власть над ним, делается его законодателем, постановления которого народ должен был принять и соблюдать. В случае надлежащего исполнения условий договора Бог обещал еврейскому народу свое особое покровительство, которое выражалось в специальных законах, которые могли обеспечить иудейскому народу пользование нематериальными благами истинной религии, а также и все блага свободы и мира. Совокупность таких отношений Бога к избранному народу есть «теократия», и Ветхий

Завет в этом смысле есть синоним теократии, или богоправления.

Дальнейшая история израильского народа была выражением этой теократии, а сама библейская история до рождения Христа называется историей Ветхого Завета. Особенно строго соблюдали данный завет пророки, которые обличали всех нарушителей данного договора, включая царей. Благодаря им в сознании народа закрепились идея в его избранности, и древний Израиль сумел сохранить свое национальное существование до того времени, когда ветхозаветный закон был изменен и Ветхий Завет уступил место Новому Завету, у которого была другая задача.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Российское библейское общество, 2005. – 1312 с.
2. Гегель Г. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 300 с.
3. Спенсер Г. *Личность и государство*. – М.: Социум, 2007. – 206 с.
4. Rogers C. The Covenant with Abraham and Its Historical Setting // *Bibliotheca Sacra*. – 1970. – № 127 (507). – P. 241–256.

РАЗДЕЛ II. ЧАСТНОЕ ПРАВО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

УДК: 347.511/.519

Гольшиева А.В.

Московский институт предпринимательства и права

О ВИНЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

A. Golysheva

Moscow Institute of Entrepreneurship and Law

ON JURIDICAL PERSONS' GUILT

Аннотация. В статье анализируются различные точки зрения на понятие вины юридических лиц. Единственным и безусловным основанием для применения к нарушителю гражданских прав мер юридической ответственности является совершение этим лицом правонарушения. Необходимо отметить, что в рамках общественных отношений, регулируемых определенной отраслью права, характер правонарушений не однороден. Неоднородны они и в сфере гражданских правоотношений. Соответственно различны и те условия, при которых наступает ответственность в гражданском праве, а также применяемые в этой связи к правонарушителю меры.

Ключевые слова: вина, неосторожность, ответственность, правонарушитель, умысел, юридическое лицо.

Abstract. The article analyzes different perspectives on the concept of guilt of a juridical person. The sole and absolute basis for the application of measures of legal responsibility to a civil offender is a crime. It should be noted that within the framework of social relations governed by a specific branch of the law, the nature of offenses is not homogeneous. They are heterogeneous in civil law relations as well. Respectively different are the conditions under which a person becomes responsible and measures applied in this context to the offender.

Key words: fault, negligence, liability, offender, intent, juridical person.

Когда мы говорим о противоправном поведении правонарушителя, о причиненном им вреде и убытках и о причинной связи между ними, речь идет о так называемых объективных условиях гражданско-правовой ответственности. Между тем субъективный момент, характеризующий отношение правонарушителя к своему противоправному деянию, играет далеко не последнюю роль при разрешении вопроса о возложении ответственности. Вопрос о вине как основании гражданско-правовой ответственности всегда оставался одним из наиболее сложных и дискуссионных в теории гражданского права. Вина в гражданском праве, по общему правилу, является необходимым элементом гражданского правонарушения. От-

ветственность без вины составляет исключение и применяется только в случаях прямо установленных законом, что, «...очевидно, обусловлено необходимостью соблюдения баланса интересов в тех случаях, когда он не может быть сохранен соблюдением общего правила – виновного характера частно-правовой ответственности» [6, с. 65].

Ни один из отечественных и зарубежных гражданских кодексов не дает легального определения понятия вины, а лишь указывает ее формы. Традиционно понятие вины совпадало с понятием вины в уголовном праве и определялось как психическое отношение лица к своему действию и его результату. Недостатком данного понятия являлась сложность достоверного установления формы психического отношения правонарушителя к своим действиям. Эти обстоятельства привели к тому, что в Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик фраза о том, что «должник отвечает за нарушение обязательства лишь при наличии вины (умысла и неосторожности)», в ст. 222 ГК РСФСР была дополнена положением, что «должник признается невиновным, если докажет, что он принял все зависящие от него меры для надлежащего исполнения обязательства» [11]. Кроме того, было исключено упоминание о разделении вины на умысел и неосторожность.

Действующий Гражданский кодекс Российской Федерации в ст. 401 закрепил тот же принцип, существенно усилив его: вместо «принятия всех мер, зависящих от лица» от должника теперь требуется принятие всех мер при надлежащей степени «заботливости и осмотрительности». В то же время ГК РФ сохранил упоминание о различных формах вины – умысле и неосторожности, содержащихся в ст. 222 ГК РСФСР 1964 г. Однако по сравнению с предшествующим законодательством закон не расширяет число случаев, когда применение мер гражданско-правовой ответственности зависит от формы вины, а, наоборот, выводит целую сферу правоотношений из-под принципа ответственности за вину.

В гражданском праве вина юридических лиц как субъективное основание ответственности уже не одно десятилетие является предметом исследования. Как отмечает Н.Н. Волкова, «обзор монографических, диссертационных и иных публикаций свидетельствует о том, что, невзирая на рассмотрение многих аспектов вины как основания гражданско-правовой и налоговой ответственности в работах О.С. Иоффе, И.С. Самощенко и других ученых, комплексный анализ понятия вины при налоговых правонарушениях и вины юридического лица в частности, не проводился» [5]. В науке гражданского права выделяют несколько подходов к понятию вины.

Сторонники субъективной (психологической) концепции вину юридического лица определяют через вину его коллектива, должностных лиц, через отношение организации в лице ее представителей к противоправному деянию. Следует обратить внимание, что данная концепция в настоящее время «прижилась» на нормативном уровне в рамках налогового права и, в частности, нашла отражение в ст. 110 Налогового кодекса РФ, где вина юридического лица в совершении налогового правонарушения определяется в зависимости от вины его должностных лиц либо его представителей, действия (бездействия) которых обусловили совершение правонарушения.

В основу теории «коллективной воли» можно положить особую вину коллектива. Как отмечает А.П. Солдатов, волю коллектива организуют его органы, стоящие во главе этого коллектива и направляющие его деятельность для достижения цели, с которой создана организация [14, с. 221]. Психологическим содержанием вины юридического лица является порочная воля и сознание участников этого коллектива, а не отдельных индивидуумов, осуществляющих свою деятельность независимо от коллектива либо вне связи со своими обязанностями. Концепция «доминирующей воли» нашла свое отражение в европейском праве (Англия, Франция), где широко распространена док-

трина *alter ego* (второе я), согласно которой действия большинства служащих руководящего состава корпорации отождествляются с действиями самой корпорации.

В некоторых странах Европы и США активно развивается концепция «социальной» вины. В западной литературе приходят к выводу, что виновная ответственность физического лица имеет психологическое содержание, а виновная ответственность юридических лиц – социально-этическое. Виновность юридического лица означает социальную небезупречность его поведения, но не более того [7, с. 88]. Взгляды ученых «психологического направления» довольно схожи, различия проявляются лишь в одном: одни полагают, что воля организации выражается в решениях, принятых более или менее квалифицированным большинством ее членов, другие, – что вина должна определяться виновностью как одного должностного лица – руководителя, так и группой лиц в каждом конкретном правонарушении в зависимости от его вида.

Вина юридического лица в «поведенческой концепции» определяется как комплекс негативных элементов, обусловленных дезорганизацией деятельности юридического лица, недостаточной организованностью, неприятием необходимых мер для надлежащего исполнения возложенных на него обязанностей, отсутствии усилий для предупреждения правонарушения [2, с. 32-33]. При рассмотрении вопроса об установлении невиновности лица в нарушении договора в «поведенческом аспекте» указывается на то, что следует исходить из предпосылки существования определенного «пакета действий», направленных на исполнение договора. Действия, которые, с одной стороны, приводят к нарушению договора, а с другой – выходят за рамки действий, требуемых для его исполнения, должны признаваться виновными. Таким образом, нарушение может быть признано виновным, если не совершено действие, требуемое для исполнения договора, либо совершено действие, выходящее за рамки требуемых для исполнения дого-

вора. Определение вины юридического лица с «поведенческих позиций» подходит для обязательственных правоотношений, однако в случае деликта оно мало эффективно, поскольку довольно трудно выделить круг необходимых или требуемых действий в ситуации, которая изначально не задана.

Поведенческо-психологическая концепция – результат критики вины юридических лиц с точки зрения «субъективной» и «поведенческой» концепций в отдельности. Так, М.П. Петров не согласен с авторами, которые полагают, что для подтверждения вины организации достаточно установить, что правонарушение было результатом дефекта самой организации, и причиной невыполнения возложенных на организацию обязанностей послужила недостаточность усилий коллектива данной организации [12, с. 94-95]. Автор полагает, что субъективное понимание вины может применяться в случае привлечения организаций к ответственности за правонарушения, имеющие материальный характер, а объективное понимание вины охватывает только неосторожную форму проявления и распространяется на формальные составы коллективных поступков.

Поведенческо-психологический подход нашел свое отражение в Гражданском кодексе РФ. Согласно п. 1 ст. 401 ГК РФ лицо, не исполнившее обязательство либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности). Лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства. На наш взгляд, это определение вины вобрало в себя достоинства определений вины обеих концепций. Учтено, что вина – это умысел или неосторожность («психологическая» концепция), и то, что лицо признается невиновным, если приняло все меры для надлежащего исполнения обязательств, исходя из той степени заботливости и осмотрительности, которые от него требовались по характеру обязатель-

ства и условиями оборота («поведенческая» концепция).

Повышенная заботливость предпринимателя может проявляться в должном подборе контрагентов по договорам, неисполнение которых может повлечь за собой неисполнение обязательств по другим договорам. Данное положение сочетается с абзацем 2 пункта 1 статьи 401 ГК РФ, в соответствии с которым лицо признается невиновным. Между тем повышенная степень заботливости предпринимателя не говорит о его виновности, поскольку связана не с характером конкретного обязательства (как указано в абзаце 2 пункта 1 статьи 401 ГК РФ), а с риском предпринимательской деятельности в целом.

Рассмотрим данное положение на примере. Истица Я. обратилась в суд и иском к ООО «Альфа-Керама» о защите прав потребителей, мотивируя тем, что она приобрела у ответчика напольную и настенную плитку, при этом напольная плитка в упаковке оказалась разнотонной, что выяснилось при укладке плитки. Истица просит взыскать с ответчика стоимость плитки, стоимость транспортировки до дома и подъема ее на восьмой этаж, а также компенсацию морального вреда. В силу ст. 56 ГПК РФ, каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается, как на основание своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом. В ходе рассмотрения данного дела выяснилось, что в соответствии со ст. 401 ГК РФ ООО «Альфа-Керама» в соответствии с необходимой заботливостью и осмотрительностью, приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства, сделав на упаковках предупредительную надпись о необходимости проверять расцветку плитки при ее покупке. В связи с этим требования Я. были удовлетворены лишь частично¹.

В современных условиях, когда основными участниками гражданского оборота являются юридические лица – хозяйственные товарищества и общества, корпорации и др.,

весьма затруднительно обосновать их ответственность за неисполнение договорных обязательств только на принципе вины. В юридической и экономической литературе много внимания уделяется выяснению причин нарушения договорной дисциплины. Презумпция вины в хозяйственном договоре за неисполнение принятых на себя стороной обязательств, например, срыв сроков поставки товара, может быть опровергнута многочисленными ссылками на реальные факты: не выделено сырье, не выполнены договорные обязанности перед должником его смежниками по поставке, на недостаток транспортных средств, несущих как известно, за это ограниченную ответственность.

Но если неисполнение договорных обязанностей вызвано внутренними причинами, т. е. недостатками в организации процесса хозяйственной деятельности, то в этих случаях не так просто обнаружить конкретных виновников. Так, например, истцу было отказано в передаче дела для рассмотрения в Президиум ВАС РФ в связи с тем, что суд установил недоказанность факта пользования учреждением денежными средствами и отсутствие вины в несвоевременной оплате тепловой энергии, и у суда не имелось оснований для привлечения учреждения к гражданско-правовой ответственности [10].

Выполнение юридическим лицом поставленных перед ним задач осуществляется в процессе деятельности юридического лица. Эта деятельность, указывает Б.Б. Черепяхин [15, с. 301], сводится, в частности, к совершению юридических действий, как правило – правомерных, но в связи с нормальной деятельностью организации могут иметь место и правонарушения, в том числе деликты. Правонарушение, совершенное юридическим лицом, состоит из тех же элементов, что и правонарушение гражданина. Юридическое лицо отвечает за правонарушение, как правило, только тогда, когда будет установлено, что оно действовало (бездействовало) неправоммерно, что оно своим неправоммерным действием (бездействием) причинило ущерб другому, что его неправоммерные действия

¹ Архив Савеловского районного суда г. Москвы. Дело № 2-1006/04.

(бездействия) состоят в объективно-необходимой причинной связи с наступившим вредом, и что его действия виновны. Еще С.Н. Братусь отмечал, что достижением новой кодификации гражданского права явилось правило о том, что организация обязана возместить вред, причиненный по вине ее работников при исполнении ими трудовых обязанностей (ст. 88 Основ гражданского законодательства) [4, с. 178-179].

В чем же может выразиться вина юридического лица? На этот вопрос нельзя дать односложного ответа. Конкретно вина юридических лиц может выразиться в самых разнообразных проявлениях. В связи с этим возникает вопрос: чьи же действия могут быть признаны действиями юридического лица, т.е. действия каких конкретных лиц могут рассматриваться как противоправные? Г.К. Матвеев [9, с. 218-220] предложил ответ на данный вопрос в трех вариантах. К виновным действиям юридического лица относятся: только действия его органов; помимо действий его органов, еще и действия различных представителей юридического лица; помимо действий органов и представителей, также действия членов или других участников юридического лица. Какой же из этих трех вариантов следует считать правильным?

Известно, что орган любого юридического лица выражает его дееспособность, посредством которой юридическое лицо приобретает гражданские права и осуществляет гражданские обязанности. В соответствии с п. 1 ст. 53 ГК РФ юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительными документами. Отвечает ли юридическое лицо за действия своих органов? Конечно, так как действия органа являются действиями юридического лица, поскольку они совершены от его имени, за его счет и в его интересах.

Несколько иначе разрешается вопрос об ответственности юридических лиц за вино-

вые действия своих представителей. Согласно п. 3 ст. 53 ГК РФ «лицо, которое в силу закона или учредительных документов юридического лица выступает от его имени, должно действовать в интересах представляемого им юридического лица». В качестве представителя юридического лица могут выступать не только лица, имеющие доверенность от органа юридического лица (например, директор филиала), но и другие «представители администрации», выполняющие определенные управленческие функции. Практически бывает очень трудно отграничить «представителей администрации» от рядовых рабочих и служащих. В данном случае М.М. Агарков полагал, что, хотя юридические лица и отвечают перед другими за вину своих представителей (поверенных), но отвечают они в этом случае не как за собственную вину, а как за «чужую» [1, с. 22-24].

На наш взгляд, с этой точкой зрения согласиться нельзя. Действия различных представителей юридического лица связаны с правами и обязанностями не их самих, а юридического лица в целом. Поэтому все их действия следует рассматривать как действия юридического лица, а отсюда вытекает, что их индивидуальные провинности правильнее относить к собственной вине юридического лица, а его ответственность за своих представителей – как за свою собственную, а не за «чужую» вину. Так же решается вопрос об ответственности юридического лица за действия своих членов либо участников. За действия этих лиц, осуществляемых в пределах служебных обязанностей, юридическое лицо отвечает как за свои собственные.

В литературе была высказана и иная точка зрения, а именно, что ответственность юридического лица основывается на допущении его органом вины в подборе работников и в недостаточной организации и руководстве их деятельностью. Данной конструкции придерживался И.Н. Петров, отмечая, что «воля юридического лица выражается только его органом, и, следовательно, говоря о вине юридического лица, можно говорить только о вине его органа. Виновники (должностные

лица, рабочие, служащие) в случае неисполнения юридическим лицом своих обязанностей, должны нести посильную (неполную) материальную ответственность, определяемую нормами, находящимися на стыке гражданского и трудового законодательства» [13, с. 160-175].

Проблема ответственности юридических лиц является специфически гражданско-правовой. В российском уголовном праве ответственность юридических лиц не предусмотрена. Нет ее и в уголовном законодательстве Японии, Швейцарии и ряда других стран [6; 8; 15]. Но в некоторых государствах она известна давно. Например, во Франции предусматривалась ответственность за преступления, совершенные общинами и корпорациями. В связи с этим возникает вопрос, почему нельзя использовать уголовно-правовую конструкцию определения вины в отношениях с юридическими лицами? Как ни странно, но ответ лежит на поверхности. Основная причина, по которой в гражданское право нельзя перенести конструкцию вины из уголовного права, состоит в том, что у юридического лица отсутствует психическое отношение к своему поведению и к его последствиям.

Для подтверждения вышесказанного необходимо рассмотреть уголовно-правовую конструкцию вины (личность, поведение, воля, вина) в применении ее к юридическому лицу. Под личностью в правовом смысле мы понимаем единство прав и обязанностей. Юридическое лицо фактически обладает этим единством. Поведение юридического лица также не фиктивно и не приписано. Поведение руководителя организации, подписывающего договор, не приписывается организации правом. Иначе обстоит дело с волей и виной как психическими проявлениями. Они относятся к внутреннему миру участника оборота, а этот мир нами не воспринимается. «Можно подумать, – пишут М.И. Брагинский и В.В. Витрянский, – что кредитор, предъявляющему требование к поставщику, допустившего просрочку поставки товаров или поставившему недоброкачественные

товары, есть какое-то дело до того, как руководитель организовал поставку, а рабочий выполнил свою техническую операцию, а главное – каково психическое отношение последних к своим действиям и вызванным ими последствиями» [3, с. 583]. В отношении юридического лица мы выделяем поведение, цель, риск, интерес, но не психическое отношение к своему поведению.

Дискуссионность такой правовой категории, как ответственность юридического лица, вытекает из его сущности юридического лица как правовой фикции, что проявляется, в частности, в отсутствии у него рассудка и психического отношения к совершаемым им деяниям. Следовательно, является невозможным использование в отношении юридического лица классического понимания вины (субъективной стороны состава правонарушения) как психического отношения лица к совершаемому им противоправному деянию, имеющего интеллектуальный и волевой моменты. Указанное классическое понимание вины применимо только к физическим лицам. Таким образом, как нам представляется, виновными признаются противоправные действия (бездействия) лиц, действующих от имени и (или) в интересах юридического лица, являвшихся результатом неприятия всех возможных мер, при той степени заботливости и осмотрительности, которая требовалась от добросовестного юридического лица по характеру возложенных на него обязанностей.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2-х т. Т. 2. – М.: ЦентрЮрИнфоР, 2002. – 452 с.
2. Богаева Н. Определение вины юридических лиц // Хозяйство и право. – 2007. – № 6. – С. 31–39.
3. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. – М.: Статут, 1997. – 764 с.
4. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). – М.: Городец-издат, 2001. – 209 с.
5. Волкова Н.Н. Рецепции гражданско-правовых норм в налоговом законодательстве // Финансовое право. – 2008. – № 10. – С. 23–27.

6. Голышев В.Г. К вопросу о системе и содержании принципов частного деликтного права // Вестник МГОУ. Серия «Юриспруденция». – 2010. – № 1. – С. 64–68.
7. Иванов А.А. Правонарушение и юридическая ответственность. Теория и законодательная практика: учебное пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ – ДАНА. Закон и право, 2004. – 276 с.
8. Иванов Л.Е. Административная ответственность юридических лиц // Закон. – 1998. – № 9. – С. 15–30.
9. Матвеев Г.К. Вина в советском гражданском праве. – Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1955. – 307 с.
10. Определение ВАС РФ от 11 июня 2009 г. № ВАС-6541/09 / Высший Арбитражный Суд Российской Федерации [сайт]. URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/632721f3-33f1-4d43-9d79-71153fa16f60> (дата обращения 15.05.2013 г.)
11. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик [1991 г.] / КонсультантПлюс [сайт]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=34165> (дата обращения 15.05.2013 г.)
12. Петров М.П. Административная ответственность организаций (юридических лиц): дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1998. – 171 с.
13. Петров И.Н. Ответственность хозорганов за нарушение обязательств. – М.: Юрид. лит., 1974. – 203 с.
14. Солдатов А.П. Проблемы административной ответственности юридических лиц: дис. ... докт. юрид. наук. – Краснодар, 2000. – 343 с.
15. Черепашин Б.Б. Труды по гражданскому праву. – М.: Статут, 2001. – 478 с.

УДК 347.131.4

Куркина Н. В.

Московский государственный областной университет

К ВОПРОСУ О ЗАПРЕТАХ КАК ФОРМЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

N. Kurkina

Moscow State Regional University

TO THE PROBLEM OF PROHIBITION AS A FORM OF CIVIL LAW REGULATION

Аннотация: Рассмотрены вопросы общего понятия запретов, особенности запретов в сфере гражданско-правового регулирования, формы и виды запретов в гражданских правоотношениях, соотношение дозволенности и запретов в гражданском праве в целом, практическое использование запретов в гражданских правоотношениях. Дан анализ правовой природы запретов как в рамках гражданских правоотношений, так и в правоотношениях иных отраслей права. Автором дается определение дозволительного характера регулирования гражданских правоотношений и вносятся соответствующие предложения по изменениям в действующее гражданское законодательство о применении запретов в гражданских правоотношениях, обосновывается необходимость данных изменений.

Ключевые слова: дозволенность, гражданско-правовое регулирование, правовой запрет, гражданское законодательство, правоотношения.

Abstract. The article examines the general concept of prohibition, especially the prohibition in civil law regulation, forms and types of bans in civil matters, and the ratio of permissible restrictions in the civil law as a whole, practical use of prohibitions in civil matters. The author analyzes the legal nature of prohibitions both in civil and other areas of law and describes the nature of permissible regulation of civil relations. Some suggestions are made concerning appropriate changes to the current law on the application of prohibitions in civil matters.

Key words: permission, civil law regulation, legal prohibition, civil law prohibition, civil law, legal relationships.

Дозволительный характер гражданско-правового регулирования не вызывает споров в юридической литературе, однако в нормах гражданского права немаловажное место занимают и запреты. Понятие и юридическая природа запретов в теории права, в том числе теории гражданского права, до сих пор мало исследованы. В научной литературе неоднократно отмечалось, что вопрос о правовом механизме действия запретов не вполне ясен, а по своему месту и функциям в структуре права они представляют собой сложные, многогранные, в определенном смысле «загадочные» юридические образования [1]. Нельзя однозначно определить сущность запретов, их виды, функциональное назначение, роль и место в механизме правового регулирования общественных отношений. Обращение к проблеме запретов, функционирующих в сфере гражданского права, показывает, что проблема очень непростая. С одной стороны, в большинстве цивилистических исследований акцент смещен на дозволительный характер гражданско-правового регулирования общественных отношений, и запретам уделяется крайне мало внимания. С другой стороны, общетеоретические исследо-

вания правовых запретов основываются, как правило, на материалах не гражданского, а уголовного, административного, земельного и иных отраслей права, в силу чего многие выводы общего характера не выдерживают проверки на истинность при их приложении к гражданско-правовым явлениям.

Многие проблемы, связанные с запретами, в особенности гражданско-правовыми, в течение длительного времени даже не рассматривались в юридической литературе. Вследствие этого ряд вопросов, в частности, о сущности, понятии, содержании, юридических свойствах, функциях правовых запретов, нормативном характере установления правовых запретов, связи с субъективными правами и обязанностями, классификации запретов, роли в механизме правового регулирования и др., остаются невыясненными. Исследование юридической природы, специфических свойств правовых запретов имеет не только теоретическое, но и практическое значение, особенно в связи с дальнейшим совершенствованием гражданского законодательства и практики его применения.

В теории гражданского права под запретами подразумеваются государственно-властные императивные требования воздерживаться от противоправных действий, причиняющие существенный вред интересам субъектов права. Иными словами, запрет – это государственно-властное веление, указывающее на юридическую (а не фактическую) недопустимость определенного поведения под угрозой наступления ответственности. Юридическая природа запретов предопределяет невозможность совершения действий, наносящих ущерб интересам государства, юридическим и физическим лицам. Запрет выступает как властный императив, указывающий на недопустимость объективно возможного общественно вредного действия (поведения). Правовые запреты выступают и как самостоятельная форма закрепления юридических обязанностей наряду с позитивным обязыванием, что обусловлено различием объективных целей, преследуемых законо-

дателем в процессе регулирования общественных отношений [1, с. 27].

Запреты можно рассматривать в широком смысле слова (имплицитный запрет) и узком смысле слова (эксплицитный запрет) [6, с. 82]. Под запретом в широком смысле слова понимается элемент любой правовой нормы, поскольку она обеспечена санкцией на случай ее нарушения, т.е. правовой запрет имплицитно выражен в любой норме. Запрет в узком смысле слова означает саму запрещающую норму. В обязывающих, а тем более в управомочивающих нормах запрет отступает на второй план, и его функции сводятся к определению границ правомерного поведения. Главными элементами в этих нормах являются юридическое дозволение (управомочивающие нормы) и позитивное обязывание (обязывающие нормы) [4, с.11].

Можно привести примеры имплицитных запретов в гражданском законодательстве – нормы ГК РФ, устанавливающие порядок реорганизации (ст. 57-60) и ликвидации (ст. 61-64) юридического лица. В этих нормах имплицитно выражен запрет, суть которого состоит в том, что всякий иной порядок реорганизации, ликвидации не допускается. Этот запрет словесно не сформулирован, но логически предполагается. Для того чтобы усилить гарантии прав кредиторов ликвидируемого юридического лица, п. 1 ст. 63 ГК РФ устанавливает запрет: срок предъявления требований кредиторов не может быть менее двух месяцев с момента публикации о ликвидации. Таким образом, имплицитный запрет, касающийся недопустимости иного порядка реорганизации и ликвидации юридического лица, дополняется специальными нормами, в которых запрет выражен эксплицитно: п. 1 ст. 63 ГК РФ.

Запреты могут быть безусловными (строгими категоричными) и условными. Под условными запретами, в том числе такими, действие которых зависит от усмотрения отдельных лиц, понимаются запреты, которые при наличии определенных условий превращаются в дозволение. Так, в п. 3 ст. 264 ГК РФ установлен запрет владельцу земельного

участка, не являющемуся собственником, распоряжаться этим земельным участком. Иное может быть предусмотрено законом или договором. Или, например, опекуну запрещено без предварительного разрешения органа опеки и попечительства совершать сделки, а попечителю – давать согласие на совершение сделок, направленных на отчуждение имущества подопечного, сдаче его внаем (в аренду), в безвозмездное пользование или в залог, влекущих отказ от принадлежащих подопечному прав, раздел его имущества или выдел из него долей, а также любых других сделок, влекущих уменьшение имущества подопечного (п. 2 ст. 37 ГК РФ).

Также можно выделить всеобщие запреты (запреты-принципы), порождающие обязанности-принципы, которые обеспечивают интегрирование и синхронизацию механизма гражданско-правового регулирования, и специальные запреты – как дополняющие действие всеобщих запретов, так и выполняющие самостоятельные функции. Среди важнейших запретов-принципов, установленных гражданским законодательством, можно назвать следующие: акты гражданского законодательства не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после введения их в действие (п. 1 ст. 4 ГК РФ); запрещается односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннего изменения его условий, за исключением случаев, предусмотренных законом (ст. 310 ГК РФ); запрещено злоупотреблять правом (ст. 10 ГК РФ); запрещено должнику или иному обязанному лицу, исполнившему обязанность по истечении срока исковой давности, требовать исполнения обратно, хотя бы в момент исполнения указанное лицо и не знало об истечении давности (ст. 206 ГК РФ); запрещено совершать сделки, не соответствующие требованиям закона или иных правовых актов (ст. 168 ГК РФ) и др.

Запрет, как отметил О.С. Иоффе, может касаться действия, когда требуется воздержаться от его совершения, и бездействия, когда предполагается выполнение обязанным лицом активных функций [3, с.91-92].

Всеобщий запрет, по его мнению, во-первых, подлежит соблюдению при всех условиях, во-вторых, поскольку он подлежит постоянному и непрерывному соблюдению, может предполагать только воздержание от какого-либо поведения. Специальный же запрет, во-первых, рассчитан на конкретную ситуацию и подлежит соблюдению в строго определенных условиях и, во-вторых, бывает связан как с бездействием, так и с действием, поскольку он должен выполняться только в данной конкретной ситуации.

В рамках диспозиций запреты делят на прямые и негативные [4]. Среди прямых запретов выделяют общие и специальные. В качестве всеобщего запрета можно назвать запрет на злоупотребление правом, впервые на законодательном уровне закрепленный в ст. 10 ГК РФ. Специальный запрет сформулирован, например, в п. 5 ст. 614 ГК РФ, согласно которому арендодателю запрещается требовать досрочного внесения арендной платы более чем за два срока подряд, когда арендатор существенно нарушает сроки внесения арендной платы.

Нельзя однозначно определить сущность запретов, их виды, функциональное назначение, роль и место в механизме правового регулирования общественных отношений. Обращение к проблеме запретов, функционирующих в сфере гражданского права, показывает, что проблема очень непростая. С одной стороны, в большинстве цивилистических исследований акцент смещен на дозволительный характер гражданско-правового регулирования общественных отношений, и запретам уделяется крайне мало внимания. С другой стороны, общетеоретические исследования правовых запретов основываются, как правило, на материалах не гражданского, а уголовного, административного, земельного и иных отраслей права [3, с. 25-28], в силу чего многие выводы общего характера не выдерживают проверки на истинность при их приложении к гражданско-правовым явлениям.

В современном российском праве запреты выполняют различные функции), но

главная цель установления запретов еди-на – устранение, недопущение поведения, вредного для общества. Приведем примеры различных функций, которые выполняют запреты в механизме правового регулиро-вания общественных отношений. Прежде все-го, это функция интегрирования и синхро-низации механизма гражданско-правового регулирования общественных отношений. В данную группу входят следующие запре-ты: акты гражданского законодательства не имеют обратной силы и применяются к от-ношениям, возникшим после введения их в действие (п. 1 ст. 4 ГК РФ); обычаи делово-го оборота, если они противоречат обяза-тельным для участников соответствующего отношения положениям законодательства или договору, не применяются (п. 2 ст. 5 ГК РФ); недействительная сделка не влечет юри-дических последствий (п. 1 ст. 167 ГК РФ) и др. С данной функцией тесно связана вто-рая функция – обеспечения основных начал гражданского законодательства (запрет на произвольное вмешательство кого-либо в частные дела (п. 1 ст. 1 ГК РФ) и др. Запре-ты устанавливают пределы осуществления гражданской правоспособности (запреща-ются лишение и ограничение правоспособ-ности гражданина (п. 1 ст. 22 ГК РФ); при-обретение прав и обязанностей под именем другого лица (п. 4 ст. 19 ГК РФ); заключение соглашения об устранении или ограничении ответственности за умышленное нарушение обязательства в будущем (т.е. заранее) (п. 4 ст. 401 ГК РФ) и др.).

Посредством запретов определяются как общие пределы осуществления субъек-тивных прав, так и пределы осуществления субъективных прав применительно к кон-кретным случаям [8, с. 10]. Пределы осу-ществления субъективных гражданских прав – это очерченные законом границы деятельности управомоченных лиц, связан-ной с реализацией возможностей, составля-ющих содержание данных прав [5]. Главным правовым средством установления пределов осуществления субъективных гражданских прав являются законодательные запреще-

ния общественно вредных способов, форм, средств и целей осуществления этих прав. Иными словами, юридическим средством, осуществляющим функцию установления внешних границ (юридической меры) субъ-ективного гражданского права, являются гражданско-правовые запреты.

Как само субъективное право по своему содержанию, так и та свобода, которая га-рантируется законом в целях реального осу-ществления права управомоченным лицом, не могут быть безграничными. Всякое субъ-ективное право, будучи мерой возможного поведения управомоченного лица, имеет определенные границы как по своему содер-жанию, так и по характеру его осуществле-ния. Границы эти могут быть шире или уже, но они существуют всегда как неотъемлемое свойство всякого субъективного права, ибо при отсутствии таких границ право превра-щается в свою противоположность – в про-извол и тем самым вообще перестает быть правом. К данной группе относятся запреще-ния злоупотреблять правом (ст. 10 ГК РФ), ограничивать количество и стоимость имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц (п. 2 ст. 213 ГК РФ), запрет должнику в случае солидарной обязанности выдвигать против требования кредитора возражения, основанные на таких отношениях других должников с кредито-ром, в которых данный должник не участву-ет (ст. 324 ГК РФ), запрет собственнику со-вершать в отношении принадлежащего ему имущества действия, противоречащие за-кону и иным правовым актам и охраняемым законом интересам других лиц (п. 2 ст. 209 ГК РФ), запрет ломбарду пользоваться и распо-ряжаться заложенными вещами (абз. 3 п. 3 ст. 358 ГК РФ) и другие [6].

Близко к данной функции примыкает функция установления границ (юридической меры) поведения для субъектов гражданско-го права, определенных законом в виде не исчерпывающего перечня возможных дей-ствий, а дозволительного типа поведения [5]. В пункте 2 ст. 264 ГК РФ установлено, что лицо, не являющееся собственником земель-

ного участка, осуществляет принадлежащие ему права владения и пользования участком на условиях и в пределах, установленных законом или договором с собственником. Оговорка в «пределах, установленных законом или договором с собственником» наполняется конкретным содержанием при систематическом толковании п. 2 ст. 264 ГК РФ во взаимосвязи с п. 3 ст. 264 (устанавливается запрет владельцу земельного участка, не являющемуся собственником, распоряжаться этим участком, если иное не предусмотрено законом или договором), п. 2 ст. 267 ГК РФ (устанавливается запрет владельцу земельного участка продавать, отдавать в залог земельный участок и совершать с ним другие сделки, которые влекут или могут повлечь отчуждение земельного участка).

К запретам, определяющим пределы осуществления субъективных гражданских прав, примыкают, имея при этом самостоятельное значение следующие:

– запреты, ограничивающие диспозитивность (запрет одностороннего отказа от исполнения обязательства и одностороннего изменения его условий, за исключением случаев, предусмотренных законом – ст. 310 ГК РФ);

– запреты, исключающие диспозитивность (запрет участникам полного товарищества заключать соглашение об устранении кого-либо из участников товарищества от участия в прибыли и убытках – п. 1 ст. 74 ГК РФ);

– запреты, обеспечивающие одностороннюю диспозитивность (запрет продавцу по договору розничной купли-продажи при замене недоброкачественного товара на соответствующий договору розничной купли-продажи товар надлежащего качества требовать возмещения разницы между ценой товара, установленной договором, и ценой товара, существующей в момент замены товара или вынесения судом решения о замене товара – п. 1 ст. 504 ГК РФ);

– запреты, направленные на обеспечение повышенной защиты частных интересов (запрещение принудительно изымать имуще-

ство у собственника, кроме случаев, предусмотренных законом – п. 2 ст. 235 ГК РФ);

– запреты, направленные на обеспечение повышенной защиты государственных интересов (запрет заключать сделки с целью, заведомо противной основам правопорядка и нравственности – ст. 169 ГК РФ);

– запреты, направленные на повышенную защиту интересов стороны относительного правоотношения (запрет распространять течение исковой давности на требования вкладчиков к банку о выдаче вкладов – абз. 2 ст. 208 ГК РФ).

Запреты также выполняют функцию обеспечения целостности институтов гражданского права [5]. Например, целостность института юридического лица обеспечиваются: запрет представительств и филиалам являться юридическими лицами (п. 3 ст. 55 ГК РФ); запрет учредителю (участнику) юридического лица или собственника его имущества отвечать по обязательствам юридического лица, а юридическому лицу - по обязательствам учредителя (участника) или его собственника, за исключением случаев, предусмотренных ГК РФ либо учредительными документами юридического лица (п. 3 ст. 56 ГК РФ) и др. А такие запреты, как запрет хозяйственным товариществам, а также обществам с ограниченной и дополнительной ответственностью выпускать акции (п. 7 ст. 66 ГК РФ); запрет вкладчикам в товариществах на вере (командитистам) принимать участие в осуществлении товариществом предпринимательской деятельности (п. 1 ст. 82 ГК РФ); запрет закрытому акционерному обществу проводить открытую подписку на выпускаемые им акции либо иным образом предлагать их для приобретения неограниченному кругу лиц (п. 2 ст. 97 ГК РФ), обеспечивают отличие одних юридических лиц от других.

Отметим функцию запрета выступать в качестве санкции за осуществление неправомерных действий (запрет гражданину, осуществляющему предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, при отсутствии государственной

регистрации ссылаться в отношении заключенных им при этом сделок на то, что он не является предпринимателем (п. 4 ст. 23 ГК РФ); запрет сторонам при несоблюдении простой письменной формы сделки в случае спора в подтверждение сделки и ее условий ссылаться на свидетельские показания (п. 1 ст. 162 ГК РФ) и др.). Запреты выполняют и функцию обеспечения предписаний [1, с. 27]. Например, запрет ассоциации (союзу) отвечать по обязательствам своих членов (п. 4 ст. 121 ГК РФ) обеспечивает предписание, установленное в п. 1 ст. 56 ГК РФ (юридические лица, кроме учреждений, отвечают по обязательствам всем принадлежащим им имуществом).

Назовем также функцию недопущения обхода императивных норм (запрет обществу с ограниченной ответственностью иметь в качестве единственного участника другое хозяйственное общество, состоящее из одного лица – п. 2 ст. 88 ГК РФ). Данный запрет призван не допустить разного рода злоупотреблений, в частности, использования общества с ограниченной ответственностью с единственным участником для обхода императивных правил ст. 56 и 105 ГК РФ об ответственности учредителей (участников) общества при его банкротстве и об ответственности основного общества по долгам дочернего. Немалое значение имеют запреты, обеспечивающие использование имущества по целевому назначению, а также его целостность (запрет при выходе одного из членов хозяйства делить земельный участок и средства производства крестьянского

(фермерского) хозяйства – п. 2 ст. 258 ГК РФ; жилые помещения предназначены для проживания граждан, запрещается размещать в жилых домах промышленные производства (п. 2 ст. 288 ГК РФ)

Как показал проведенный анализ, запреты занимают важное место в механизме гражданско-правового регулирования и выполняют целый ряд различных функций. Следовательно, существует необходимость ведения дальнейших исследований в данной области.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бубон К.В. Запрет как способ защиты гражданских прав // Адвокат. – 2007. – № 3. – С. 21–28.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. – М.: Рид Групп, 2011. – 560 с.
3. Иоффе О.С. Общая теория государства и права – М., Юридическая литература. – 1983. – 422 с.
4. Комарова Т.Е. Некоторые вопросы теории запретов в гражданском праве // Практический журнал для руководителей и юристов «Законодательство». – 2010. – № 12. – С. 8–18.
5. Малько А.В. Правовые ограничения как принудительные средства // Атриум: межвуз. сб. науч. статей. Сер. «Юриспруденция». – Тольятти: МА-БиБД, 1997. – Вып. 2. – С. 5–10.
6. Слепченко Ю.Н. Запреты в административном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2012. – 193 с.
7. Савицкий П.В. Регулятивный эффект запрета злоупотребления субъективным гражданским правом // Науч. ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. Вып. 6. – Екатеринбург: УрОРАН, 2010. – С. 376–390.
8. Четвернин В.А. Введение в курс общей теории права и государства: учебное пособие. – М.: Институт государства и права РАН, 2008. – 248 с.

УДК 347.441.62

Прокопенко О.П.

Московский государственный областной университет

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОМ ПАРТНЕРСТВЕ В ДОГОВОРНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

O. Prokopenko

Moscow State Regional University

TO THE PROBLEM OF STATE-PRIVATE PARTNERSHIP IN CONTRACTUAL REGULATION

Аннотация. В статье рассмотрен актуальный вопрос о важности введения института государственно-частного партнерства в договорную сферу регулирования общественных отношений. Для реализации подобной задачи исследованы механизм правового регулирования государственно-частного партнерства и специфика принципов договорного регулирования, на основе которых происходит сближение публичного и частного в отношениях контрагентов. Особенности договорных отношений описаны на примерах инвестиционной деятельности в концессиях, особых экономических зонах и соглашениях о разделе продукции. Сделан вывод о целесообразности усиления принципа свободы договора и принципа равноправия субъектов (участников) процесса договорного регулирования в ожидаемых новациях гражданского законодательства.

Ключевые слова: договорное регулирование, государственно-частное партнерство, особая экономическая зона, соглашение о разделе продукции, инвестиции, концессионное соглашение.

Abstract. The article considers a topical issue of introducing the institute of state-private partnership in the contractual sphere of public relations regulation. For implementing the stated task the author researches the mechanism of legal regulation of state-private partnership and specific principles of contractual regulation on the basis of which a rapprochement occurs between public and private in counter-agent relationships. The features of contractual relations are described by example of investing in concessions, special economic zones and product distribution agreements. It is concluded that the enhancement of freedom of contract principle and principle of equality of participants of a contractual regulation process in the forthcoming innovations of the civil law is advisable.

Key words: contractual regulation, state-private partnership, special economic zone, product distribution agreement, investments, concession agreement.

Для договорного регулирования, учитывая предстоящие изменения законодательства, в частности Гражданского кодекса Российской Федерации [8], вопросы взаимодействия публичного и частного – актуальный аспект, требующий пристального внимания. Так, проблематика правового регулирования государственно-частного партнерства стала особо заметна после введения в действие ряда нормативных актов.

В Федеральном законе от 30.12.1995 № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» в ст. 2 «Соглашение о разделе продукции» изложено, что соглашение о разделе продукции является договором, в соответствии с которым Российская Федерация предоставляет субъекту предпринимательской деятельности на возмездной основе и на определенный срок исключительные права на поиски, разведку, добычу минерального сырья на участке недр, указанном в соглашении, и на ведение связанных с этим работ, а инвестор обязуется осуще-

ствить проведение указанных работ за свой счет и на свой риск. Соглашение определяет все необходимые условия, связанные с использованием недрами, в том числе условия и порядок раздела произведенной продукции между сторонами соглашения. Отмечено, что все условия пользования недрами, установленные в соглашении о разделе продукции, должны соответствовать законодательству Российской Федерации [10].

В главе 26.4 Налогового кодекса Российской Федерации «Система налогообложения при выполнении соглашений о разделе продукции» в ст. 346.34. поясняется, что «инвестором признается юридическое лицо или создаваемое на основе договора о совместной деятельности и не имеющее статуса юридического лица объединение юридических лиц, осуществляющее вложение собственных, заемных или привлеченных средств (имущества и (или) имущественных прав) в поиск, разведку и добычу минерального сырья и являющееся пользователем недр на условиях соглашения о разделе продукции» [4].

В ст. 10 Федерального закона от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» детально изложен порядок осуществления предпринимательской деятельности на территории особой экономической зоны, который составляют как публичные, так и частноправовые конструкции [11].

В ст. 3 Федерального закона от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» отражена специфика такой конструкции договорного регулирования, как концессионное соглашение: в частности сказано, что по концессионному соглашению одна сторона (концессионер) обязуется за свой счет создать и (или) реконструировать определенное этим соглашением имущество (недвижимое имущество или недвижимое имущество и движимое имущество, технологически связанные между собой и предназначенные для осуществления деятельности, предусмотренной концессионным соглашением), право собственности на которое принадлежит или будет принадлежать другой стороне (конце-

денту), осуществлять деятельность с использованием (эксплуатацией) объекта концессионного соглашения, а концедент обязуется предоставить концессионеру на срок, установленный этим соглашением, права владения и пользования объектом концессионного соглашения для осуществления указанной деятельности. В данном нормативном правовом акте определено, что концессионное соглашение является смешанным договором, к которому применимы нормы различных отраслей права [12].

Дискуссионные аспекты правового регулирования договорных отношений назрели ввиду существования непоименованных и смешанных конструкций в действующем законодательстве, которые прочно внедряются в жизнь и применяются на практике. В частности, в настоящее время на территории России действует 17 особых экономических зон. С 2006 г. по 2012 г. более 300 инвесторов из 22 стран вложили свой капитал в проекты, направленные на развитие и функционирование особых экономических зон, среди которых, например: Yokohama, Itochu, Sojitz, Air Liquide, Bekaert, Rockwool, Novartis, Plastic Logic, NSN, Arkray и другие. Объем заявленных резидентами инвестиций – более 360 млрд руб. или порядка 12 млрд долл. США [6].

В 2006 в России в рамках соглашений о разделе продукции разрабатывались три основных проекта: Харьягинское нефтяное месторождение (оператор – Total), «Сахалин-1» (оператор – ExxonMobil), «Сахалин-2» (оператор – Sakhalin Energy). Общая сумма дохода, полученного российским государством от данных проектов, составила к началу 2006 г. около 686 млн долл., к началу 2010 – 5,6 млрд долл., а к началу 2012 г. – более 10,9 млрд долл. США [5].

Также Правительством России в 2012 г. поручено ОАО «РЖД» разработать и заключить концессионные соглашения в период 2013-2015 гг. на обслуживание и содержание отдельных участков железнодорожной инфраструктуры России [13]. Активное внедрение реализации механизма государствен-

но-частного партнерства свидетельствует об особой актуальности данной проблематики. Полагаем, однако, что начать анализ необходимо с более общей дефиниции «механизма правового регулирования».

В теории права механизмом правового регулирования называют систему юридических средств, при помощи которых осуществляется правовое регулирование. Понятие механизма правового регулирования позволяет собрать и систематизировать юридические средства правового воздействия на общественные отношения, определить место и роль того или иного юридического средства в правовой жизни общества [7, с. 148-149]. Механизм правового регулирования общественных отношений, таким образом, можно понимать как сложное системное образование, элементами которого выступают: единый предмет правового регулирования, единый метод, проявляющийся в трех типах правового регулирования – гражданско-правовом, административно-правовом и уголовно-правовом, реализация которого происходит, прежде всего и главным образом, с помощью соответствующих видов юридического процесса и трех одноименных процессуальных отраслей российского права [9, с. 44].

Несколько иное определение предлагает А.В. Малько: «Механизм правового регулирования – это система правовых средств, организованных наиболее последовательным образом в целях преодоления препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов субъектов права». Акцент в данном определении направлен на удовлетворение, в основном, интересов субъектов правоотношений. Следовательно, в структуре такого механизма решающее звено – акты реализации субъективных прав и обязанностей, а цель механизма правового регулирования – обеспечение беспрепятственного движения интересов субъектов к гарантированному их удовлетворению [3, с. 54-56].

Совокупность норм действующего законодательства, направленных на систематизацию и упорядочение процесса симбиоза

государственно-частного партнерства в канву частноправовых отношений посредством юридических средств, может быть названа механизмом правового регулирования государственно-частного партнерства. Можно с уверенностью предположить, что в отношениях государственно-частного партнерства данный подход реализуем и применим в полном объеме. Непосредственно же механизм регулирования государственно-частного партнерства явление сложное. Элементами механизма, наряду с собственно правовыми средствами, становятся средства, являющиеся по своему содержанию экономическими, организационными, информационными и другими, приобретающие в процессе реализации норм права правовую форму, что позволяет согласиться с мнением А.В. Белицкой о возможности дифференциации государственно-частного партнерства в сфере государственных и естественных монополий, в социальной сфере и в сфере инноваций [1, с. 138-187].

Государственно-частное партнерство олицетворяет собой, с одной стороны, возможность реализации принципа свободы договора, позволяя «впускать» элементы частноправовой природы, в, казалось бы, статичные отношения. С другой стороны, существо симбиоза данных отношений, в конечном итоге, не учитывает все интересы субъектов частного права, предоставляя им, как бы взамен, свободу выбора налоговых, бюджетных, инвестиционных начал. Компромисс данных отношений в итоге все-таки видится в «ущемлении» прав и свобод субъектов частного права, несмотря на то, что институционально данные отношения, по общим положениям гражданского законодательства, подпадают под нормы частного права.

Теперь обратимся непосредственно к договорному регулированию государственно-частного партнерства, используя в качестве своеобразных примеров нормы законодательных инициатив. Согласно положениям Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации [2] пла-

нируется расширение предмета гражданского права за счёт включения корпоративных отношений. В частности, как нам кажется, государственно-частное партнёрство не позволит в полной мере соблюдать баланс интересов контрагентов, особенно в таких договорных конструкциях, как абонентский договор, опционный договор и, тем более, рамочный договор. Данный вывод основывается на специфике правосубъектности публично-правовых образований и производных от них корпораций. На примерах функционирования особых экономических зон в России просматриваются так называемые управленческие договорные отношения, в которых частнопредпринимательская составляющая минимизирована, о чем мы упоминали ранее в статье. Это позволяет сказать только лишь о том, что максимальное терпение и уважение субъектами статуса друг друга не позволит нарушать принцип равноправия субъектов, участвующих в договоре (соглашении).

Будущая конструкция предварительного договора, согласно планируемым изменениям гражданского законодательства, также свидетельствует в пользу соблюдения баланса государственной составляющей в договорном отношении, ведь для заключения предварительного договора необходимо будет только обговорить предмет, вследствие чего признать предварительный договор незаключенным будет практически невозможно. При таком подходе заинтересованной стороне выгодна такая норма, а в отношениях государственно-частного партнерства заинтересованной стороной априори выступает публичный субъект, инициирующий данное партнерство [8].

Нормы, касающиеся так называемой преддоговорной ответственности, оснований изменения и расторжения гражданско-правового договора также нельзя признать прогрессивными, особенно если речь идет о государственно-частном партнерстве. Можно предположить, что планирование введения принципа добросовестности участников договорных отношений будет минимальным, что, в свою очередь, не свидетельствует

в пользу введения в законодательство указанного принципа. Полагаем, что целесообразнее было бы усилить принцип свободы договора в гражданском праве и принцип равноправия субъектов (участников) процесса договорного регулирования.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Белицкая А.В. Правовое регулирование государственно-частного партнерства. – М.: Статут, 2012. – 191 с.
2. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 11. – С.
3. Малько А.В. Механизм правового регулирования: лекция // Правоведение. – 1996. – № 3 (214). – С. 54–62.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 03.12.2012) // СЗ РФ. – 07.08.2000. – № 32. – Ст. 3340.
5. Новости Минэнерго России [29.12.2011: Итоги реализации действующих проектов СРП] / Министерство энергетики Российской Федерации [сайт]. URL: http://minenergo.gov.ru/press/min_news/10423.html (дата обращения 24.05.2013 г.).
6. Олег Костин принял участие в международной конференции РСРП по вопросам привлечения иностранных инвестиций [текущие новости: 07.02.2012 г.] / РОСОЭЗ: Россия. Особые Экономические Зоны [сайт]. URL: <http://www.rusez.ru/press/news?rid=24811&oo=1&fnid=68&newWin=0&apage=4&nm=107519&fxsl=view.xml> (дата обращения 24.05.2013 г.).
7. Прокопенко О.П. Наследование произведений литературы в авторском праве России: дис... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 295 с.
8. Проект Федерального закона № 47538-6 (ред. от 27.04.2012) «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Государственная дума Российской Федерации: автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности [сайт]. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=47538-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=47538-6) (дата обращения 24.05.2013 г.)
9. Сорокин В.Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс // Правоведение. – 2000. – № 4. – С. 34–45.

10. Федеральный закон от 30.12.1995 № 225-ФЗ (ред. от 19.07.2011) «О соглашениях о разделе продукции» // СЗ РФ. – 01.01.1996. – № 1. – Ст. 18.
11. Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ (ред. от 06.12.2011) «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 25.07.2005. – № 30. (ч. II). – Ст. 3127.
12. Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ (ред. от 25.04.2012) «О концессионных соглашениях» // СЗ РФ. – 25.07.2005. – № 30 (ч. II). – Ст. 3126.
13. Челпанова М. Частные рельсы // Ведомости [газета]. – 2012. – 21 авг.

УДК 342.723

Семыкин В.В.

Московский государственный областной университет

ПОНЯТИЕ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В ТЕОРИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

V.Semykin

Moscow State Regional University

THE CONCEPT OF MORAL DAMAGE IN THE THEORY OF CIVIL LAW AND RUSSIAN LEGISLATION

Аннотация. В статье раскрывается понятие морального вреда в теории гражданского права и в российском законодательстве. Исследуются вопросы понятия охраны гражданских прав в узком смысле, формы, средства и способы их защиты. Проводится историческая параллель по возникновению понятия права гражданина на возмещение морального вреда, его смысловой нагрузки в нормах законодательства и отдельных актах. Рассматривается категория «моральный вред», как производная от слова «мораль», с точки зрения правил поведения, основанные на представлениях людей о добре и зле, достоинстве и чести, справедливости, долге и служащие мерилom и оценки деятельности индивидов, организаций и других субъектов. Исследуется научный подход к многообразию трактовок определения морального вреда и применение данного понятия в нормативно-правовых актах Российской Федерации.

Ключевые слова: моральный вред, мораль, возмещение вреда, компенсация, защита гражданских прав, личные нематериальные права.

Abstract. The article is concerned with the notion of moral damage in the theory of civil law and Russian legislation. On a limited scale the author explores the issues of civil rights protection, its forms, means and methods. From the historical perspective the author looks at the concept of citizen's right to compensation for moral damage, its meaning in legislative norms and single acts. "Moral damage" is considered as a derivative of the word «morality» from the view point of rules of behavior based on people's perceptions of good and evil, dignity and honor, justice and debt thus measuring and evaluating the activities of individuals, organizations and other entities. The diversity of interpretations of "moral damage" and application of this concept in the normative-legal acts of the Russian Federation is researched.

Key words: moral damage, morality, moral damage compensation, protection of civil rights, personal intangible rights.

Нормальное функционирование гражданского оборота предусматривает закрепление за субъектами определенного комплекса гражданских прав, а также предоставление им правовой охраны, под которой понимается «вся совокупность мер, обеспечивающих нормальный ход реализации прав» [4, с. 23]. Для целей настоящей работы охрану гражданских прав необходимо рассмотреть в узком смысле, то есть только те меры, которые непосредственно направлены на восстановление нарушенных прав гражданина. Данную категорию принято именовать в науке защитой гражданских прав, в которую входит и само субъективное право на защиту, то есть «юридически закрепленная возможность управомоченного лица использовать меры правоохранительного характера с целью восстановления нарушенного права и пресечения действий, нарушающих право» [1, с. 3]. Защита субъективных гражданских

прав и интересов должна осуществляться в порядке, предусмотренном законом, то есть с помощью комплекса «внутренне согласованных организационных мероприятий по защите субъективных прав и охраняемых законом интересов» [15, с. 9].

В большинстве случаев защита гражданских прав осуществляется в общем, то есть в судебном порядке, и при этом значительная нагрузка ложится на систему судов общей юрисдикции, где в качестве средства защиты будет выступать предъявляемое искомое заявление. Данная форма защиты закреплена, в первую очередь, в части 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации, где указывается, что «каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод» [8]. Кроме перечисленных категорий в цивилистической теории выделяется и такое понятие, как способ защиты субъективных прав, который рассматривают как «гарантированную государством материально-правовую меру, посредством которой осуществляется добровольное или принудительное восстановление нарушенных (оспариваемых) личных неимущественных благ и прав» [5, с.122]. Общий перечень таких способов защиты закреплён в статье 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), из которого субъект может применить не любой, а конкретный вид меры. В качестве одного из способов защиты субъективных прав физического лица ГК РФ называет и компенсацию морального вреда.

Впервые право гражданина на возмещение морального вреда было установлено в 1990 г. в Законе СССР от 12 июня 1990 г. «О печати и других средствах массовой информации». В качестве основания причинения морального вреда называлось распространение «средством массовой информации не соответствующих действительности сведений, порочащих честь и достоинство гражданина либо причинивших ему иной неимущественный ущерб» [7], однако определения «моральному вреду» в нем не давалось. Следующим шагом оформления данной категории стало принятие Основ гражданского законодатель-

ства Союза ССР и республик 1991 г., где под моральным вредом стали понимать «физические или нравственные страдания» [11]. Возмещение морального вреда предусматривалось статьей 131 указанных Основ. В дальнейшем законодатель стал включать нормы, касающиеся возмещения морального вреда, в отдельные акты, вплоть до принятия первой части ГК РФ, то есть до 1 января 1995 г.

Статья 151 ГК РФ определяет моральный вред по существу так, как и Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г., то есть как причинение гражданину физических или нравственных страданий. «Наряду с этим законодатель по-разному подходит к случаям причинения морального вреда. Если моральный вред причинен гражданину посягательством на принадлежащее ему нематериальное благо, то он, при наличии предусмотренных законом условий, возмещается независимо от того, предусмотрено ли такое возмещение специальным законом или нет» [16, с. 1]. Достаточным основанием для возмещения вреда в данных случаях служит статья 151 ГК РФ. Если моральный вред причинен посягательством на какое-либо материальное благо, которое находит свое выражение в имущественном праве, то он подлежит возмещению лишь тогда, когда существует специальный закон, предусматривающий такое возмещение.

Однако, несмотря на более чем двадцатилетний опыт правоприменительной деятельности судов, связанной с использованием норм о компенсации морального вреда, существует множество проблем в рассматриваемой сфере как в материально-правовом, так и процессуально-правовом аспекте. В материально-правовом смысле компенсацию морального вреда рассматривают как один из предусмотренных законом способов защиты нарушенных гражданских прав. Для того чтобы дать точное определение указанной категории, необходимо определиться с самим понятием вреда.

В теории вред в самом общем виде определяют как «последствие посягательства на

общественные отношения, как следствие нарушения охраняемых законом прав и интересов государства, организаций или граждан» [17, с. 73]. То есть вред является негативным социальным явлением, проявлением вопне последствий совершенного субъектом нарушения прав. Категория «моральный вред» производна от самого слова «мораль», которую в теории права определяют как «правила поведения, основанные на представлениях людей о добре и зле, достоинстве и чести, справедливости, долге и служащие мерилom и оценкой деятельности индивидов, организаций и других субъектов» [10, с.105]. А в узком смысле слова, моралью является «совокупность представлений о добре и зле, справедливости и несправедливости» [19, с.3].

Исходя из многообразия трактовки изначальных терминов, в правовой науке не сложилось единого подхода к определению морального вреда. Так, например, Горшенков Г.Г. определяет его как «неблагоприятные последствия правонарушения, претерпеваемые лицом в виде физических, психических страданий, нравственных переживаний, социального дискомфорта, а также упущенной выгоды и дополнительных расходов как следствия прямого или косвенного умаления неимущественных благ» [2, с. 88]. Большинство ученых считает, что в данном случае вести речь об упущенной выгоде и дополнительных расходах в данном случае «неуместно, некорректно ввиду особой правовой природы охраняемых нематериальных благ» [13, с. 18].

По мнению Малеиной М.Н. «моральный вред выражается в причиненных нравственных страданиях и может заключаться в страхе, унижении... Физический же вред выражается в причинении физической боли ... и других болезненных ощущениях» [9, с.17], поэтому предлагается ввести в правовой оборот понятие неимущественного вреда, включающего в себя как физические, так и нравственные страдания.

Как указывает Эрделевский А.М., наличие морального вреда «предполагает негативные изменения в психической сфере человека,

выражающиеся в претерпевании последним физических и нравственных страданий» [18, с. 85]. Это означает, что действия правонарушителя отразились в сознании потерпевшей стороны, вызвали негативные последствия, при этом «наличие страдания предполагается в каждом случае совершения в отношении человека противоправного деяния (действия или бездействия)» [6, с.7].

В психологии понятие морального вреда раскрывается как «психологическая травма, то есть негативные эмоциональные переживания, психические нарушения, расстройства в деятельности внутренних органов...» [14, с. 94]. Таким образом, моральный вред с материально-правовой точки зрения, как научную категорию, можно определить в виде отрицательных изменений в психике человека, проявившихся в претерпевании психических, нравственных и физических страданий, переживаний, эмоций, вызванных негативным воздействием на его физический и духовный мир.

Кроме научного определения морального вреда, существует и его законодательное закрепление как в федеральных законах, так и в разъяснениях судебной практики. Так, в статье 151 ГК РФ моральный вред обуславливается совершенными в отношении гражданина действиями, «нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом...» [3]. Руководящее разъяснение Пленума Верховного суда Российской Федерации раскрывает понятие морального вреда как «нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину...нематериальные блага...или нарушающими его личные неимущественные права... либо нарушающими имущественные права гражданина» (пункт 2 абзац 1) [12]. В данном постановлении, по сравнению с ГК РФ, рассматриваемое понятие несколько расширено и конкретизировано за счет дополнительных характеристик.

Таким образом, нарушение принадлежащих гражданину неимущественных прав, иных нематериальных благ, а в случаях, предусмотренных законом, и имущественных прав, может повлечь применение такого способа защиты, как компенсация морального вреда. При этом следует выяснить, что представляет собой защита нематериального блага. Защита любого права связана с понятием права на защиту как одной из составляющих правосубъектности гражданина, а право на защиту, по сути, в правовой науке означает право на судебную защиту. Данное правомочие является одним из видов возможного поведения лица, направленного на восстановление нарушенного права, пресечения неправомерных действий. Защита права является более широким понятием, так как включает в себя все возможные виды защиты нарушенного права, как судебный, так и внесудебный порядок. Что касается компенсации морального вреда, то в данном случае, судебный порядок защиты права является единственным.

Защита нарушенного права теоретически представляет собой возможность восстановления существовавшего до нарушения положения. Но при защите нематериальных благ это практически невозможно осуществить, поэтому законодатель предусмотрел компенсацию морального вреда именно в денежной, а не иной форме. При применении к нарушителю такого способа защиты на него возлагается обязанность по выплате потерпевшей стороне денежной компенсации за причиненные страдания, но с некоторыми ограничениями. Так, требования о возмещении морального вреда могут быть заявлены лишь конкретным лицом – гражданином, а нарушенные права «должны носить ... личный неимущественный характер» [4, с. 301], а при нарушении иных гражданских прав на возможность применения компенсации морального вреда в качестве меры защиты должно быть прямо указано в законе. Таким образом, компенсация морального вреда является наиболее действенным способом защиты личных неимущественных и иных не-

материальных прав граждан, позволяющим в денежной форме компенсировать нарушение таких прав.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Басин Ю.Г., Диденко А.Г. Защита субъективных гражданских прав // Юридические науки: сб. ст. – Алма-Ата: КазГУ, 1971. – С. 3–11.
2. Горшенков Г.Г. Моральный вред и его компенсация по российскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 1996. – 165 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) / Гражданский кодекс РФ: последняя редакция [сайт]. URL: <http://www.grazkodeks.ru/> (дата обращения: 14.05.2013).
4. Гражданское право. Учебник: в 3-х т. Том 1 / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2005. – 765 с.
5. Гуцин Д.И. Юридическая ответственность за моральный вред (теоретико-правовой анализ). – СПб.: Питер, 2002. – 418 с.
6. Жуков В.А. Что такое моральный вред и как добиться его компенсации? – М.: Статут, 2001. – 19 с.
7. Закон СССР от 12 июня 1990 года № 1552-1 «О печати и других средствах массовой информации» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 26. – Ст.39.
8. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных 30.12.2008 № 6-ФКЗ) // Рос. газета. – 2009. – 21 янв.
9. Малеина М.Н. Компенсация морального вреда за неимущественный вред // Вестник Верховного Суда СССР. – 1991. – № 5. – С. 27–29.
10. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник. – изд. 4-е, перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2010. – 512 с.
11. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. ВС СССР 31.05.1991 № 2211-1) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. – 1991. – № 26. – Ст. 733.
12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 года № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» (с изм. от 06.02.2007 г.) / КонсультантПлюс [сайт]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=66230> (дата обращения 15.05.2013 г.)
13. Тимешов Р.П. Понятие морального вреда в гражданском праве России // Российская юстиция. – 2008. – № 6. – С. 18–21.
14. Холопова Е.Н. Правовые основы судебно-психологической экспертизы по факту морального

- вреда в уголовном процессе. – Калининград: Партнеры МиК, 2003. – 112 с.
15. Чаусская О.А. Гражданское право. Курс лекций. 3-е изд. – М.: Эксмо, 2011. – 432 с.
16. Черничкина Г.Ю. Гражданское право: учебник. Том 1. – М.: Инфра-М, 2012. – 446 с.
17. Чутов С.А. Проблемы компенсации морального вреда // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2008. – №1. – С. 73–74.
18. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. - 3-е изд., испр. и доп. – М.: Волтерс Клувер. – 2004. – 265 с.
19. Эрделевский А.М. Моральный вред и компенсация за страдания: научно-практическое пособие. – М.: БЕК, 1998. – 188 с.

УДК 347.234.1, 342.739, 342.76

Шнякина Т.С.

Московский государственный областной университет

ЛИШЕНИЕ И ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ ИМУЩЕСТВА КАК СПОСОБЫ ОГРАНИЧЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

T. Shnyakina

Moscow State Regional University

DEPRIVATION AND COMPULSORY ALIENATION OF PROPERTY AS WAYS OF RESTRICTING SUBJECTIVE CIVIL LAW OF PROPERTY

Аннотация. В статье проведен анализ конституционных норм, позиций Конституционного суда Российской Федерации, общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации, предусматривающих основания, способы и случаи принудительного прекращения права собственности. Сделан вывод о необходимости различения лишения и принудительного отчуждения имущества как способов ограничения имущественных прав собственников. Отмечено наличие внутренних противоречий содержания статьи 235 и некоторых положений главы 15 Гражданского кодекса Российской Федерации. Предложена классификация ограничений, допускаемых как системой «ограничительного» законодательства, действующей в обычных условиях жизни общества и государства, так и системой ограничений, вводимых на основании федеральных конституционных и федеральных законов в периоды чрезвычайного или военного положений.

Ключевые слова: имущество, право собственности, лишение имущества, принудительное отчуждение, возмездное изъятие.

Abstract. The article analyzes the constitutional norms, positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, general provisions of the Civil Code of the Russian Federation providing the bases, ways and cases of the compulsory termination of a property right. It is concluded that differentiation is needed between deprivation and compulsory alienation of property as ways of restricting owners' property rights. The author highlights some internal contradictions of the content of Article 235 and some provisions of Chapter 15 of the Civil Code of the Russian Federation and offers a classification of restrictions allowed both by the system of «restrictive» legislation operating under ordinary social conditions and the system of restrictions enforced on the basis of federal constitutional laws in state of emergency or military provisions.

Key words: property, property right, property deprivation, compulsory alienation of property, compensated seizure of property.

Под классической моделью субъективного гражданского права собственности принято понимать триаду правомочий: владеть, пользоваться и распоряжаться по своему усмотрению имуществом. Частью 1 статьи 35 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [8] устанавливается охрана права частной собственности, обеспечиваемая законом. Именно в силу закона собственник имеет право требовать от любых третьих лиц не нарушать его субъективное имущественное право. Конституционное признание равенства и обеспечения равной защиты частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности порождают необходимость решения проблем соотношения частного и публич-

ного интересов, в особенности связанного с возможностью ограничения государством права частной собственности в пользу государства и (или) общества.

Ограничение права собственности в форме принудительного прекращения права собственности в советское время не требовало столь тщательного анализа, в котором нуждается на сегодняшний день. Это объясняется тем, что в отличие от действующего гражданского законодательства Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. [3] не содержал отдельной главы «Прекращение права собственности», так как основания прекращения права собственности соответствовали основаниям его возникновения. Однако на настоящий момент прекращение права собственности является самостоятельным институтом гражданского права, а осуществление его в принудительном порядке вызывает все больший теоретический и практический интерес не только в силу комплексного характера возникающих юридических отношений, наличия проблем гармонизации публичных и частных интересов, но и в силу того, что статья 235 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] (далее – ГК РФ) сама по себе внутренне противоречива (при наличии наименования «Основания прекращения права собственности» в ней по сути перемешиваются случаи и способы прекращения права собственности).

Проблемам принудительного прекращения права собственности уделяли внимание такие видные цивилисты, как О.С. Иоффе, В.П. Камышанский, Ю.К. Толстой, Е.А. Суханов. В 2009 г. Е.Н. Афанасьевой с позиций гражданского права была рассмотрена реквизиция, являющаяся одним из самых спорных и не отрегулированных способов прекращения права собственности. В 2011 году комплексное исследование принудительного прекращения права частной собственности было проведено М.В. Балиным [1], а также изучена специфика изъятия земельных участков А.И. Кичко [5]. Особо следует отметить вышедшую в 2012 г. монографию В.В. Лапаевой в части, касающейся конституци-

онных критериев ограничения прав и свобод человека и гражданина, анализа соответствующих позиций Конституционного суда Российской Федерации (далее – Конституционный суд РФ) [9, с. 478-479].

Согласно ч.3 ст. 35 Конституции РФ никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное же отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения. Из приведенного текста Конституции РФ видно, что лишение имущества можно производить только на основании решения суда. Для принудительного же отчуждения имущества обязательность наличия решения суда Конституция РФ не называет, единственными конституционными ограничениями являются условие предварительного и равноценного возмещения, а также цель – государственные нужды. Это означает, что ч. 3 ст. 35 Конституция РФ различает два самостоятельных действия, осуществляемых против доброй воли собственника (владельца, держателя, обладателя иного вещного права): лишение и отчуждение имущества.

Резонно, что общие положения об ограничениях права собственности должны быть предусмотрены в нормативном правовом акте, регулирующем общественные отношения, связанные с имущественными правами, а специальные положения могут расположиться в зависимости от назначения в законодательных актах различных отраслей права (земельного, уголовного, административного и т.д.). ГК РФ (ч. 2 ст. 235) предусматривает исчерпывающий перечень способов и случаев принудительного прекращения права собственности частных лиц в Российской Федерации. Все перечисленные в ней способы и случаи признаются законными только тогда, когда основания их применения прямо предусмотрены законами, то есть самим ГК РФ или иными законодательными актами.

Так, согласно ч. 1 ст. 3.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [6] (далее – КоАП РФ)

судьей назначается конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения, то есть принудительное безвозмездное обращение в федеральную собственность или в собственность субъекта Российской Федерации не изъятых из оборота вещей. Согласно ст. 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [14] (далее – УК РФ) конфискация имущества есть принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора предусмотренных в данной статье видов имущества. В соответствии со ст. 104.2 УК РФ, если конфискация указанного в ст. 104.1 УК РФ имущества невозможна, суд выносит решение о конфискации денежной суммы, которая соответствует стоимости данного предмета. В случае отсутствия либо недостаточности денежных средств суд выносит решение о конфискации иного имущества, стоимость которого соответствует стоимости предмета, подлежащего конфискации, либо сопоставима со стоимостью этого предмета, за исключением имущества, на которое в соответствии с российским процессуальным законодательством не может быть обращено взыскание.

Лишение имущества Конституция РФ относит к юрисдикции суда. Однако ГК РФ в статье 243, частью первой определяя конфискацию безвозмездным изъятием имущества у собственника по решению суда в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения в случаях, предусмотренных законом, во второй части разрешает опять же в случаях, предусмотренных законом, производить конфискацию в административном порядке. Решение о конфискации, принятое в административном порядке, по общему правилу может быть оспорено в суде.

На настоящий момент реальных законов, предусматривающих возможность (не говоря уже о порядке и условиях) производства конфискации в административном порядке, не существует и, более того, быть не может в силу верховенства положений Конституции РФ о лишении имущества только на

основании судебного решения. Указанную позицию неоднократно высказывал и Конституционный суд РФ. Так, положение ч.1 ст. 279 действовавшего ранее Таможенного кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) [13] о конфискации в качестве меры административной ответственности, применяемой по решению таможенных органов, было признано не соответствующим Конституции РФ: ее статьям 19 (ч.ч.1 и 2), 35 (ч.ч.1 и 3) и 55 (ч. 3) [10], а следовательно, не подлежащим применению судами, другими органами и должностными лицами, то есть утратившим силу. Также Конституционный суд РФ признал не соответствующей ст. 19 (ч.ч.1 и 2) и 55 (ч. 3) Конституции РФ ст. 266 ТК РФ постольку, поскольку она предусматривала в качестве меры административной ответственности конфискацию товаров и транспортных средств, назначавшуюся без судебного решения, а также ч. 2 ст. 85 и ст. 222 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях [7] в той мере, в какой они в их взаимосвязи допускали применение конфискации без судебного решения [11]. Кроме того, вывод о том, что конфискация как санкция за правонарушение может применяться только судом, был подтвержден Конституционным судом РФ в определениях от 1 июля 1998 г., от 13 января 2000 г., от 6 июля 2001 г. Конституционный суд РФ распространил этот вывод на все органы, кроме судов, независимо от того, каким нормативным актом (или отдельными его положениями) им предоставлено право назначать конфискацию [10].

Справочно-правовые системы (Гарант, Консультант) отвечают на поиски случаев применения конфискации в административном порядке, предусмотренных в законах Российской Федерации, ссылаясь на признанные неконституционными Конституционным судом РФ положения недействующего ТК РФ, на ст. 3.7 КоАП РФ, в которой не предусматривается административный порядок производства конфискации, а также на ст. 16 Сводного закона РСФСР от 28 марта 1927 г. «О реквизиции и конфискации иму-

щества» [12]. Согласно данному закону в административном порядке производится конфискация «контрабандных товаров, а равно приравняемых к контрабандным; в отношении предметов, перевозка коих запрещена Народным Комиссариатом Путей Сообщения в интересах общественного порядка и народного здоровья, если таковые обнаружены на путях сообщения во время перевозки», «предметов, воспрещенных Народным Комиссариатом Почт и Телеграфов Союза С.С.Р. к пересылке по почте, в случае обнаружения таковых в почтовых отправлениях, в том числе за нарушение действующих акцизных правил, если оно учинено в первый раз и если сумма неуплаченного акциза не превышает ста рублей». Однако справочно-правовые системы предупреждают, что Сводный закон РСФСР от 28 марта 1927 г. применяется со значительными ограничениями. Частью 2 Заключительных и переходных положений Конституции РФ устанавливается возможность применения законов и других правовых актов, действовавших на территории Российской Федерации до вступления в силу Конституции РФ, исключительно в части, не противоречащей Конституции РФ.

Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что ч. 2 ст. 243 ГК РФ, предусматривающая административный порядок производства конфискации и являющаяся по своему существу мертвой, должна быть исключена из текста ГК РФ как противоречащая ч. 3 ст. 35 Конституции РФ. Итак, основанием для фактического лишения имущества выступает совокупность юридических фактов: *неправомерное действие* (бездействие) физического или юридического лица, а также *правомерное действие* суда в форме постановления или приговора. Сочетание в тексте Конституции РФ терминов «*лишение*» «*по решению суда*» позволяет говорить о том, что лишение – это всегда санкция, налагаемая судом за *неправомерные деяния*. При этом российскому законодательству известны случаи применения к нарушителю санкции в виде лишения имущества не только в качестве меры админи-

стративно-правовой или уголовно-правовой ответственности, но и в качестве гражданско-правовой. Так, статьями 166 и 169 ГК РФ предусматривается взыскание по решению суда в доход Российской Федерации всего полученного сторонами по ничтожной сделке, совершенной с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, при наличии умысла у сторон. Ст. 179 ГК РФ в качестве последствия признания судом сделки недействительной (совершенной под влиянием обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной, либо кабальной сделкой, когда лицо было вынуждено согласиться вследствие стечения тяжелых обстоятельств на крайне невыгодные для себя условия, чем другая сторона воспользовалась) устанавливается, что имущество, полученное по сделке потерпевшим от другой стороны, а также причитавшееся ему в возмещение переданного другой стороне, обращается в доход Российской Федерации (в натуре, а при невозможности путем взыскания его стоимости в деньгах). Самому потерпевшему возмещается стороной-правонарушителем причиненный реальный ущерб.

ГК РФ также известны и другие случаи конфискации: изъятие из оборота и уничтожение без какой бы то ни было компенсации контрафактного имущества, то есть материальных носителей, в которых выражены результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, изготовление, распространение или иное использование которых, а также импорт, перевозка или хранение приводят к нарушению исключительного права на такой результат или на такое средство (п. 4 ст. 1252); изъятие из оборота и уничтожение за счет нарушителя оборудования, прочих устройств и материалов, используемых или предназначенных для совершения нарушения исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации, если законом не предусмотрено их обращение в доход Российской Федерации (ч. 5 ст. 1252); а с первого марта 2013 г. – обращение

по решению суда в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с российским законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы.

В любом случае конфискация – это способ воздействия на нарушителя, выражающийся в лишении по решению суда собственника (иного владельца, пользователя) права на неприкосновенность его имущества и явившийся результатом совершения проступка, за который действующим законодательством предусматривается гражданская, административная, уголовная или иная ответственность. В этой связи нельзя не согласиться с мнением О.С. Иоффе о том, что сущность конфискации всегда «определялась как конкретная карательная мера, ... направленная, в отличие от национализации и реквизиции, на личность собственника изымаемого имущества» [4, с. 298].

Основанием для принудительного отчуждения имущества, в отличие от оснований для лишения собственника имущества, является несколько иной юридический состав: возникновение государственной нужды, решение органа государственной власти, равноценное и предварительное возмещение стоимости имущества. Как видим, наличие неправомерных действий (бездействий) физического или юридического лица не является обязательным, но и не исключается. Решение суда не презюмируется, однако, также не исключено. Более того, появляется еще один признак – возмездность.

В качестве случая принудительного отчуждения имущества у собственника без возмещения стоимости имущества можно назвать обращение взыскания на имущество по обязательствам собственника, предусмотренное ст. 237 ГК РФ. Это объясняется тем, что имеет место неисполнение собственником взятого на себя самостоятельно (по договору) или приобретенного в силу закона обязательства. В этом случае имущество как таковое уже не принадлежит «собственнику», однако «собственник» отказывается

признать данное обстоятельство фактически и юридически. Лишением имущества обращение взыскания на имущество по обязательствам собственника назвать нельзя, так как изъятие может производиться как на основании решения суда, так и в ином порядке, если последний предусмотрен законом (например, по требованию налоговых органов) или договором (например, при обращении залогодержателем взыскания на заложенное имущество на основании удостоверенного нотариально соглашения). Более того, обращение взыскания на имущество по обязательствам собственника является мерой восстановления нарушенного права не за счет нарушителя, а возвратом долга. Суд, руководствуясь ст. 237 ГК РФ, не лишает собственника принадлежащего ему права собственности и не создает нового права у другого лица, а определяет принадлежность права собственности, то есть указывает на законного хозяина имущества.

Согласно ГК РФ против воли собственника может быть отчуждено имущество собственника только возмездно и только в следующих случаях:

- когда имущество в силу закона не может принадлежать данному лицу (ст.238);
- если имущество является недвижимым и изымается участок, на котором оно располагается (ст. 239);
- если имущество является культурной ценностью, либо домашним животным, и содержится бесхозяйственно, негуманно (ст.ст. 240 и 241);
- при разделе долевой собственности в случае несоразмерности имущества, выделяемого в натуре участнику долевой собственности, его доле в праве собственности (п. 4 ст. 252);
- если имущество является недвижимым, а судом признаны права собственника земельного участка на приобретение оставшейся на нем недвижимости как последствие утраты собственником недвижимости права пользования земельным участком (ч. 2 ст. 272);
- и наоборот, когда имущество является земельным участком, а суд признал права

собственника недвижимости на приобретение в собственность земельного участка, на котором находится эта недвижимость (ч. 2 ст. 272);

– выкуп земельного участка для государственных или муниципальных нужд по решению суда (ст. 282);

– изъятие земельного участка, который не используется в соответствии с его целевым назначением (ст. 284);

– изъятие земельного участка, используемого с нарушением законодательства (ст. 285);

– продажа с публичных торгов на основании решения суда бесхозяйственно содержащего жилого помещения с выплатой собственнику вырученных от продажи средств за вычетом расходов на исполнение судебного решения (ст. 293);

– реквизиция (ст.242);

– национализация (абз. 3 ч. 2 ст. 235).

Конституция РФ в ч. 3 ст. 35 устанавливает систему «ограничительного» законодательства в условиях нормального времени, которая применяется для обеспечения государственных нужд или защиты интересов общества без введения особых режимов. Данная система «ограничительного» законодательства включает в себя два способа ограничения имущественных прав: лишение права собственности (санкция, применяемая исключительно по решению суда за правонарушение, проступок, преступление) и принудительное отчуждение имущества (применяемое в особых случаях органами государственной власти как крайняя необходимость государства). Лишение имущества означает полное и окончательное прекращение у собственника всех субъективных имущественных прав, то есть фактическое отобрание имущества производится одновременно с аннулированием всех прав требования, в том числе права на судебную защиту права собственности как такового в виду его утери, отнятия. Принудительное отчуждение имущества может порождать прекращение права собственности, а может лишь временно ограничивать правомочия владения, пользования и распоряжения

имуществом, при этом сохраняется право собственника на удовлетворение в административном или судебном порядках его имущественного требования (возврата вещи в натуре, денежной компенсации понесенных убытков, замены другой вещью и т.д.) в связи с претерпеваемыми ограничениями.

Необходимо также помнить, что Конституция РФ предусматривает и вторую систему «ограничительного» законодательства, которая вводится только при угрозе наступления или наступлении особых обстоятельств в мирное или военное время. Так, согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина ограничиваются федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, а ч. 1 ст. 56 Конституции РФ разрешает устанавливать отдельные ограничения прав и свобод в условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя с указанием пределов и срока действия ограничений только на основании федерального конституционного закона.

Опираясь на положения Конституции РФ, ГК РФ, ЗК РФ, других действующих кодексов, а также ряда законов (например, федеральных конституционных законов от 30 мая 2001 г. N 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», от 30 января 2002 г. N 1-ФКЗ «О военном положении», федерального закона от 26 февраля 1997 г. N 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»), можно предложить классификацию ограничений субъективного гражданского права собственности. В зависимости от целей, преследуемых государством, эквивалентности изъятия и компенсации, органа, принимающего решение, а также юридических последствий ограничения делятся на лишение имущества и принудительное отчуждение имущества.

Первое ограничение применяется с целью обеспечения законности, правопоряд-

ка и восстановления справедливости в виде имущественной санкции за неправомерное деяние; эквивалентность отсутствует: производится безвозмездное изъятие; орган, принимающий решение – только суд; юридические последствия: полное прекращение права собственности с момента юридического лишения. В свою очередь, *лишение имущества в зависимости от сущности неправомерного действия (бездействия) может быть представлено в виде уголовной, административной, гражданской, налоговой, процессуальной, иной, предусмотренной законом, конфискации*; в зависимости от судьбы изъятого имущества *лишение может делиться на обращение в доход государства и на уничтожение имущества*.

Второе ограничение применяется с целью удовлетворения государственных нужд, интересов общества, либо для обеспечения законности, правопорядка, восстановления справедливости в виде «воспитательной», а не имущественной санкции; может быть как возмездным, так и безвозмездным; органом, принимающим решение, может являться не только суд, но и иной орган государственной власти, а в некоторых случаях и орган местного самоуправления; юридические последствия: право собственности может прекращаться полностью, а может консервироваться, то есть находиться в состоянии «временной заморозки» до прекращения обстоятельств, повлекших консервацию. В зависимости от эквивалентности причиненного изъятием убытка производимой компенсации *принудительное отчуждение имущества производится как безвозмездное обращение имущества или как возмездное изъятие* (выкуп, продажа с торгов). *Возмездное изъятие*, в свою очередь, в зависимости от поведения собственника делится на *принудительное отчуждение при неправомерном поведении и при неправомерном поведении собственника. Возмездное изъятие при правомерном поведении собственника в зависимости от объективных обстоятельств может производиться в режиме нормального*

функционирования государства (для удовлетворения государственных, муниципальных нужд или интересов общества), а также *в исключительных условиях чрезвычайного или военного положений*.

Законодательство не дает ответа на вопрос, в чью пользу допускается осуществление принудительного отчуждения имущества: всегда ли это государство (наличие в ГК РФ права производить изъятие для удовлетворения муниципальных нужд говорит об обратном), либо изъятие может все-таки производиться в пользу любых третьих лиц (международный принцип общественной полезности («public use») разрешает изъятие частного имущества для реализации общепольного проекта другим частным лицом, не исключает такой возможности и формулировка российского законодательства «в интересах общества»). Более того, дореволюционной России был известен институт компенсации убытков при изъятии имущества у частного лица инициатором предприятия)?

Итак, ограничение гражданского права собственности может носить как временный, так и окончательный характер, то есть влечь прекращение права собственности как при лишении имущества, либо приостанавливать субъективные имущественные права на необходимый период как при реквизиции. В связи с чем называть отдельные виды принудительного отчуждения имущества основаниями прекращения права собственности представляется неверным, поскольку они являются не чем иным, как способами ограничения субъективного гражданского права собственности.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Балин М.В. Гражданско-правовые основания принудительного прекращения права собственности: дис... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2011. – 215 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) / Гражданский кодекс РФ: последняя редакция [сайт]. URL: <http://www.grazkodeks.ru/> (дата обращения 30.04.2013 г.)
3. Гражданский кодекс РСФСР 1964 года / КонсультантПлюс [сайт]. URL: <http://base.consultant.ru/>

- cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=34159 (дата обращения 30.04.2013 г.)
4. Иоффе О.С. Советское гражданское право. – М.: Юрид. лит., 1967. – 494 с.
 5. Кичко А.И. Принудительное прекращение права собственности на земельные участки: автореф. дис... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2011. – 24 с.
 6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ / Гарант: информационно-правовой портал [сайт]. URL: <http://base.garant.ru/12125267/> (дата обращения 30.04.2013 г.)
 7. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях от 20 июня 1984 г. / КонсультантПлюс [сайт]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=30941> (дата обращения 30.04.2013 г.)
 8. Конституция Российской Федерации / Конституция Российской Федерации [сайт]. URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения 30.04.2013 г.)
 9. Лапаева В.В. Типы правового понимания: правовая теория и практика. – М.: Российская академия правосудия, 2012. – 580 с.
 10. Определение Конституционного Суда РФ от 10 января 2002 г. № 3-О «По жалобе гражданина Н.Д. Ильченко на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 279 Таможенного кодекса Российской Федерации» / Российская газета [сайт]. URL: http://www.rg.ru/oficial/doc/min_and_vedom/ks/3-O.shtm (дата обращения 30.04.2013 г.)
 11. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 марта 1998 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 266 Таможенного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 85 и статьи 222 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан М.М.Г. аглоевой и А.Б. Пестрякова» / Законодательная база Российской Федерации [сайт]. URL: <http://zakonbase.ru/content/base/26115> (дата обращения 30.04.2013 г.)
 12. Сводный закон РСФСР от 28 марта 1927 года «О реквизиции и конфискации имущества» // Собрание узаконений РСФСР. – 1927. – № 38. – Ст. 248.
 13. Таможенный кодекс Российской Федерации от 18 июня 1993 г. № 5221-1 / Гарант: информационно-правовой портал [сайт]. URL: <http://base.garant.ru/10100146/> (дата обращения 30.04.2013 г.)
 14. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ / Официальный интернет-портал правовой информации (государственная система правовой информации) [сайт]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041597> (дата обращения 30.04.2013 г.)
 15. Федеральный закон от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) / Гарант: информационно-правовой портал [сайт]. URL: <http://base.garant.ru/10108000/> (дата обращения 30.04.2013 г.)
 16. Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (с изменениями и дополнениями) / Гарант: информационно-правовой портал [сайт]. URL: <http://base.garant.ru/12123122/> (дата обращения 30.04.2013 г.)
 17. Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» (с изменениями и дополнениями) / Сайт Конституции Российской Федерации [сайт]. URL: <http://constitution.garant.ru/act/right/184121/> (дата обращения 30.04.2013 г.)

РАЗДЕЛ III. УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ, БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УДК 344.2

Сарнавский А.Н.

Министерство обороны Украины (г. Киев)

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ВОЖДЕНИЯ ИЛИ ЭКСПЛУАТАЦИИ ВОЕННЫХ МАШИН ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

A. Sarnavsky

The Ministry Defence of Ukraine (Kiev)

THE RESPONSIBILITY FOR INFRINGEMENT OF DRIVING RULES OR MILITARY MACHINES OPERATION UNDER CRIMINAL LEGISLATIONS OF UKRAINE AND RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. Приведены результаты сравнительно-правового анализа ответственности за нарушение правил вождения и эксплуатации военных машин, установленной уголовным законодательством Украины и Российской Федерации. Отмечены положительные стороны законодательной конструкции ст. 350 Уголовного кодекса РФ в части дифференциации уголовной ответственности, проведенной по признаку тяжести общественно опасных последствий, а также в части определения в санкции основного состава преступления видов наказания. В совокупности с данными по Украине о квалификации на практике подобных преступлений, мнениях респондентов о действующем законодательстве, статистических итогах правонарушений – даны рекомендации по совершенствованию законодательных норм.

Ключевые слова: воинские преступления, уголовная ответственность, правила вождения, дорожно-транспортные происшествия, общественно опасные последствия.

Abstract. The article presents a comparative analysis of the responsibility for infringement of driving rules and military machines operation established by criminal legislations of Ukraine and the Russian Federation. The research revealed some positive results such as a legislative design of Article 350 of the Criminal Law of the Russian Federation regarding differentiation of criminal liability according to the weight of socially dangerous consequences and determination of kinds of punishment in the sanction of the main elements of crime. On considering the real qualification of such offences in Ukraine, respondents' views on the current legislation and criminal statistics the author offers some recommendations how to improve the legislative rules.

Key words: military offences, criminal liability, driving rules, traffic collisions, socially dangerous consequences.

В современных исследованиях Особенной части уголовного закона наблюдается устойчивая тенденция к использованию сравнительно-правового метода научного познания. Этот метод дает возможность выйти за пределы национальной системы уголовного права. Его сочетание с другими научными методами способствует расширению и углублению научных поисков, в том числе и для исследования системы воинских преступлений. Уголовный кодекс Украины (далее – УК Украины), принятый 5 апреля 2001 г., унаследовал от своего предшественника, функционировавшего еще в советские времена, понятие воинского преступления. Конечно, этот консерватизм не мог не повлиять на конструирование составов воинских преступлений, которые в действующем УК Украины, как и раньше, выделены законодателем в отдельную группу в его Особенной части. Разработчиками проекта действующего УК Украины в Пояснительной записке относительно составов воинских преступлений отмечалось: «Практика свидетельствует, что статьи УК выдержали испытание временем и каких-либо серьезных замечаний со стороны практических органов не вызывают. Однако в некоторые статьи внесены определенные изменения» [6, с.155].

Сегодня, опираясь на более чем десятилетнюю практику применения УК Украины, можем констатировать, что далеко не все внесенные изменения к составам воинских преступлений заслуживают одобрительную оценку. В частности, проблема усматривается в уголовно-правовой охране установленного порядка вождения и эксплуатации военных машин. Целью данной научной статьи является проведение сравнительно-правового анализа норм уголовного законодательства Украины и Российской Федерации, которыми установлена ответственность за нарушение правил вождения или эксплуатации военных машин. В современной уголовно-правовой науке исследованию вопросов уголовной ответственности за нарушение правил вождения или эксплуатации военных машин посвятили свои труды Белоконев

В.Н., Дячук С.И., Касинюк В.И., Хавронюк Н.И. В Российской Федерации по этой тематике были защищены диссертационные работы Погромской И.В., Поповым А.В.

Уголовный кодекс Украины (вступил в действие 1 сентября 2001 г.) и Уголовный кодекс Российской Федерации (вступил в действие 1 января 1997 г.) содержат отдельные разделы в Особенной части, нормами которых устанавливается ответственность за совершение воинских преступлений. Ответственность за нарушение военнослужащим правил вождения или эксплуатации машин установлена в этих разделах отдельными статьями – ст. 415 «Нарушение правил вождения или эксплуатации машин» УК Украины и ст. 350 «Нарушение правил вождения или эксплуатации машин» УК Российской Федерации. Кроме абсолютного сходства названий, статьи характеризуются и абсолютным сходством указания в основных составах таких объективных признаков, как «нарушение правил вождения или эксплуатации боевой, специальной или транспортной машины».

Подобными по своей сути, но несколько различными с точки зрения стилистического языкового оформления, в диспозициях этих статей являются и общественно опасные последствия: в ст. 415 УК Украины – «причинение потерпевшему средней тяжести или тяжких телесных повреждений либо гибели потерпевшего (ч. 1) и причинение гибели нескольких лиц (ч. 2)», а в ст. 350 УК РФ – «причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека (ч. 1), причинение смерти человека (ч. 2) и причинение смерти двух или более лиц (ч.3)». Как усматривается, и в украинском, и в российском вариантах конструирования состава преступления фигурируют лишь общественно опасные последствия, связанные с причинением вреда жизни или здоровью человека. Другие виды общественно опасных последствий в диспозициях статей 415 УК Украины и 350 УК РФ отсутствуют. С учетом этого возникает вопрос, а имеют ли составы преступлений, предусмотренных этими статьями, при наличии лишь таких общественно опасных по-

следствий, выразительный специфический характер, свойственный для системы составов воинских преступлений?

Поиск ответа на этот вопрос при исследовании предлагается начать с применением исторически-правового метода научного познания. Экскурс в историю уголовного законодательства Украины о воинских преступлениях свидетельствует: в УК Украины 1960 г. ответственность за нарушение правил вождения или эксплуатации машин предусматривалась статьей 246 главы XI «Воинские преступления». Диспозиция этой статьи содержала общественно опасные последствия – «несчастные случаи с людьми или другие тяжкие последствия». В следственной и судебной практике под несчастными случаями с людьми понималось гибель людей, причинение им тяжких, средней тяжести или легких телесных повреждений с расстройством здоровья, а под другими тяжкими последствиями – срыв выполнения важных заданий, причинение значительного материального ущерба воинской части.

Из вышеизложенного усматривается, что при принятии УК Украины 2001 г. фактически произошла декриминализация нарушения правил вождения или эксплуатации военных машин, которое влечет общественно опасные последствия, не связанные с жизнью и здоровьем человека. На авторское виденье, целесообразность такой декриминализации выглядит сомнительной. Выведение из строя современной военной техники, современных видов вооружения в связи с нарушением правил вождения или эксплуатации военных машин приводит к снижению уровня боеготовности и боеспособности войск, а следовательно, и к снижению эффективности выполнения воинским формированием конституционных функций. Учитывая это, следует отметить, что установленный порядок вождения или эксплуатации военных машин, строгое соблюдение которого делает невозможным наступление таких последствий, должен быть поставлен под уголовно-правовую охрану.

В дискуссии, которая имеет место в науке уголовного права Украины вокруг законо-

дательно определенных видов общественно опасных последствий преступного нарушения правил вождения или эксплуатации военных машин, позицию целесообразности их расширения отстаивают В.Н. Белоконев и В.И. Касинюк. В частности, ими предлагается ввести к диспозиции ст. 415 УК Украины оценочное понятие «иные тяжкие последствия» [4, с. 197]. В российской уголовно-правовой науке по результатам исследования уголовной ответственности за совершение аналогичного преступления к подобному выводу пришел А.В. Попов. Он предлагает в основном составе преступления, предусмотренного ст. 350 УК РФ, указать общественно опасные последствия в виде уничтожения военной техники, а в квалифицированном – «иные тяжкие последствия» [2, с. 374].

По информации, предоставленной Государственной судебной администрацией Украины, по ст. 415 УК Украины в 2010 г. судами Украины не было осуждено ни одного военнослужащего, в 2011 г. был осужден один, в 2012 г. – трое¹. Правоприменительная сфера при нынешней конструкции диспозиции ст. 415 УК Украины лишена правовых оснований квалифицировать по этой статье действия военнослужащих, которые заключаются в нарушении правил вождения или эксплуатации военных машин, повлекших снижение боеготовности и боеспособности войск. При комментировании УК Украины, в частности норм раздела XIX, Н.И. Хавронюк разъясняет, что необходимо «причинение в результате нарушения правил вождения или эксплуатации машин последствий в виде выведения из строя полностью или на длительное время ценной военной техники, жилья граждан, важных сооружений и тому подобное квалифицировать в зависимости от предмета преступления по статьям 196 «Неосторожное уничтожение или повреждение имущества» или 412 «Неосторожное уничтожение или повреждение военного имущества» УК» [5, с. 1167].

¹ Сообщение заместителя Председателя Государственной судебной администрации Украины от 01.03.2013 г. (информ. справка № 59/13).

Каким же образом решаются эти вопросы квалификации на практике? И вообще, имеют ли место в военной сфере такие деяния? Для получения ответов на эти вопросы обратимся к статистической информации, предоставленной Военной службой правопорядка в Вооруженных силах Украины. По сообщению последней, в течение 2012 г. в Вооруженных силах Украины было учтено 72 дорожно-транспортных происшествия, которые произошли при участии военной техники. 40 из них произошли по вине военнослужащих, при этом в 6 происшествиях была существенно повреждена военная техника и вооружение¹. Важно отметить, что по факту ни одного из 40 указанных происшествий не было возбуждено уголовное дело по ст. 412 УК Украины, как такой, которая является приемлемой для квалификации, учитывая отсутствие оснований для квалификации по ст. 415 УК Украины.

Отсутствие в диспозиции ст. 415 УК Украины общественно опасных последствий, связанных с причинением вреда боеготовности и боеспособности войск, породила в правоприменительной сфере (и, по авторскому мнению, не безосновательно) идею об исключении вообще этой статьи из системы воинских преступлений. В частности, такая идея отражена в результатах анкетирования, которое было проведено вслед за авторским ходатайством. К опросу привлекались офицеры подразделений военной инспекции безопасности дорожного движения Центрального управления по г. Киеву и Киевской области, Крымского, Южного, Западного и Северного территориальных управлений Военной службы правопорядка в Вооруженных силах Украины. Репрезентативная группа составила 212 человек.

Из числа респондентов 10% выразили точку зрения, что статьей 415 и статьей 286 «Нарушение правил безопасности дорож-

ного движения или эксплуатации транспорта лицами, управляющими транспортными средствами» из раздела XI «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта» УК Украины, законодателем установлена уголовная ответственность за тождественные преступные деяния, которые влекут абсолютно одинаковые общественно опасные последствия. Законодатель разграничил эти преступления по признаку субъекта преступления, то есть предусмотрел для военнослужащих ответственность в отдельном порядке. По мнению этой категории респондентов, в таком разграничении усматривается несоответствие предписаниям статей 8 и 24 Конституции Украины. Устранение этого противоречия предлагается ими осуществить путем исключения ст. 415 из Особенной части УК Украины².

К вышеизложенному уместно заметить, что для украинского уголовного законодательства широкая специализация оснований уголовной ответственности является характерным явлением. Академик Национальной академии правовых наук Украины Ю.В. Баулин, характеризуя современное уголовное право Украины и освещая тенденции его развития, указывает на наличие устойчивой тенденции к специализации оснований уголовной ответственности. Такая специализация, как отмечает ученый, осуществляется двумя путями. Первый из них связан с увеличением составов преступлений со специальным субъектом. Второй – с введением специальных составов преступления, что зачастую объясняется необходимостью усиления предупредительной функции уголовного закона [1, с.35-36]. На авторский взгляд, существование состава преступления, предусмотренного ст. 415 УК Украины в нынешней редакции, является еще одним дополнительным подтверждением избыточной специализации оснований уголовной ответственности.

¹ Информационная справка, выданная начальником Военной службы правопорядка в Вооруженных силах Украины – начальником Главного управления Военной службы правопорядка Вооруженных сил Украины от 28.02.2013 № 306/3/1257.

² Информационная справка, выданная начальником Военной службы правопорядка в Вооруженных Силах Украины – начальником Главного управления Военной службы правопорядка Вооруженных Сил Украины от 11.03.2013 № 306/3/1439.

Значительную научную ценность представляет собой сравнительно-правовой анализ и санкций статей 415 УК Украины и 350 УК РФ. В конструкциях санкций этих статей, в отличие от конструкций их диспозиций, имеют место существенные различия. В ст. 350 УК РФ российский законодатель провел более детальную дифференциацию уголовной ответственности. Статья структурно состоит из трех частей. Дифференциация осуществлена по признаку тяжести общественно опасных последствий. Квалифицированный состав преступления образован путем указания в диспозиции последствий в виде причинения смерти человека, а особенно квалифицированный – последствий в виде причинения смерти двух и больше лиц. В такой конструкции статьи усматривается намерение российского законодателя адекватно отразить степени тяжести преступного нарушения правил вождения или эксплуатации военных машин в его наказуемости. Статья же 415 УК Украины не дифференцирована по признаку такого тяжкого общественно опасного последствия, как причинение смерти человека. Уместно отметить, что украинский законодатель, в отличие от ст. 415, в ст. 286 УК Украины дифференцировал уголовную ответственность даже по признаку общественно опасного последствия в виде причинения тяжкого телесного повреждения, что свидетельствует о его непоследовательности и нелогичности при конструировании смежных составов преступления.

Кроме заслуживающего одобрение подхода относительно дифференциации уголовной ответственности в ст. 350 УК РФ, российский законодатель достаточно взвешено подошел и к определению спектра видов наказания в основном составе преступления, предусмотренного этой статьей. В ч. 1 этой статьи предусмотрены виды наказаний: арест, содержание в дисциплинарной воинской части, лишение свободы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Общественная опасность посягатель-

ства на установленный порядок вождения или эксплуатации военных машин, которая отражена в диспозициях статьи, нашла свое соответствующее отражение и в ее санкциях посредством видов и меры наказания. Этим самым создана возможность для суда назначать виновному наказание, адекватное совершенному им преступлению, то есть наказание, которое будет необходимым и достаточным для его исправления и предупреждения новых преступлений.

Для сравнения отметим, что санкции основного и квалифицированного состава преступления, предусмотренного ст. 415 УК Украины, содержат лишь один вид наказания – лишение свободы на определенный срок. Такие санкции не отвечают намеченной тенденции украинского уголовного законодательства к гуманизации, которая берет свое начало с момента принятия УК Украины 2001 г. и нашла свое последующее воплощение в принятии (15.04.2008 г.) Закона Украины «О внесении изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Украины относительно гуманизации уголовной ответственности» [3]. Данным законом были внесены изменения и дополнения в свыше 90 статей УК Украины, однако статьи 415 они не коснулись. И снова уместно отметить о непоследовательности и о нелогичности украинского законодателя, который в отличие от ст. 415, в ст. 286 УК Украины, в основном составе преступления предусмотрел широкий спектр видов наказания.

Таким образом, с учетом вышеизложенного следует сделать вывод, что ст. 350 УК РФ в сравнении со ст. 415 УК Украины, является конструктивно совершеннее в части дифференциации уголовной ответственности в зависимости от степени общественной опасности преступления, а также в части определения видов наказания за его совершение. Надлежащая дифференциация уголовной ответственности и индивидуализация наказания является основой для обеспечения реализации в уголовном праве принципов гуманизма и справедливости. Для повышения эффективности уголовно-правового регули-

рования вопросов, связанных с нарушением порядка вождения или эксплуатации машин в военной сфере, национальное уголовное законодательство должно учесть положительный опыт российского уголовного законодательства.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Баулин Ю.В. Современное уголовное право Украины: итоги, тенденции, перспективы развития // Вопросы борьбы с преступностью: сб. науч. тр. – Харьков: Право, 2012. – Вып. 23. – С. 30–38.
2. Ермолович Я.Н. Теоретико-правовые основы военно-уголовной политики в Российской Федерации. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 576 с.
3. Закон Украины от 15.04.2008 № 270-VI «О внесении изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Украины относительно гуманизации уголовной ответственности» // Ведомости Верховного Совета Украины. – 2008. – № 24. – 13 июня.
4. Касинюк В.И., Белоконев В.Н. Уголовная ответственность военнослужащих за нарушение правил вождения или эксплуатации машин. – Запорожье: издатель Глазунов С.О., 2011. – 231 с.
5. Научно-практический комментарий Уголовного кодекса Украины / под ред. Н.И. Мельника, Н.И. Хавронюка. – 7-е изд., перераб. и доп. – К.: Юридическая мысль, 2010. – 1288 с.
6. Пояснительная записка к проекту Уголовного кодекса Украины, подготовленная рабочей группой Кабинета Министров Украины // Украинское право. – 1997. – № 2 (7). – С. 127–156.

РАЗДЕЛ IV. Трибуна молодого учёного

УДК 342

Литовкина М.И.

Российский государственный социальный университет (г. Москва)

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛЕКАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ОБЯЗАННОСТЬ ГОСУДАРСТВА

M. Litovkina

Russian State Social University (Moscow)

LEGISLATION DEVELOPMENT IN DRUG SAFETY ENSURING AS STATE CONSTITUTIONAL RESPONSIBILITY

Аннотация. В статье процесс осуществления конституционного права на охрану здоровья и обеспечение безопасности личности представлены как конституционная обязанность государства. Учитывая, что некоторые виды медицинской деятельности осуществляются с использованием источников повышенной опасности (например, лекарственных препаратов), в настоящее время актуальна также проблема лекарственной безопасности. Для ее решения (и соответственно, для реализации конституционного права на охрану здоровья) необходимо создавать безопасные условия, в том числе, посредством развития нормативного правового материала в области обеспечения лекарственной безопасности.

Ключевые слова: Конституционное право, охрана здоровья, обязанность, безопасность, лекарственный препарат, медицинская деятельность.

Abstract. The article presents the enforcement procedure of a constitutional right to health care and personal security as constitutional responsibility of the state. Considering that some medical activities involve the use of sources of increased danger, e.g. drugs, the problem of drug safety is alarming. To solve it and realize a constitutional right to health care it is necessary to create safe conditions by developing legislation in the field of drug safety ensuring.

Key words: constitutional right to health care, responsibility, safety, drug, medical activity.

Права человека, с одной стороны, представляют собой совокупность возможностей индивида, способствующих его безопасному существованию, а с другой, комплекс норм, устанавливающих стандарт взаимоотношений человека, общества и государства, то есть «законные требования» индивида к государственным структурам с целью использования своих

возможностей [18, с. 22]. В связи с этим, осуществление конституционного права на охрану здоровья граждан (в силу его ценностного характера) должно быть гарантировано определенными государственными (правовыми, финансовыми, организационными) ресурсами, входя в перечень полномочий органов власти. Более того, социальная значимость конституционного права на охрану здоровья сама по себе налагает на государство обязательства по его защите в случае нарушения [10, с. 59], поскольку потребности людей в указанной области удовлетворяются в большей степени действиями государства, и сама специфика социально-экономических прав человека подразумевает нормативное закрепление для их реализации конкретных обязанностей государства [23, с. 59].

Необходимо отметить, что Конституция РФ «пронизана» положениями, которые не только декларируют права, но и закрепляют обязанности, в том числе косвенно. Так, по мнению А.И. Ардашева [1, с. 135], невозможно однозначно отделить права от обязанностей, поскольку за каждым правом скрыта обязанность, необходимая для его надлежащего осуществления. Например, среди обязанностей, корреспондированных праву на жизнь, можно выделить не нанесение вреда здоровью человека; а общая конституционная обязанность (проходящая «красной нитью» через все отраслевое законодательство) заключается в том, чтобы ценить жизнь и здоровье человека. Таким образом, в отношениях между гражданином и государством последнее (в силу признания, охраны и защиты им конституционных прав и свобод) выступает как субъект, обладающий правами и обязанностями [4, с. 96]. Поэтому обеспечение осуществления права на охрану здоровья является конституционной обязанностью государства, трансформируясь в полномочия соответствующих структур и должностных лиц, то есть в систему органов государственной власти [1, с. 137].

В то же время существует взаимосвязь между осуществлением прав человека и эффективным функционированием системы

национальной безопасности [5], что отражает эволюцию всех концепций последней – от обеспечения военной безопасности до защиты жизненно важных интересов развития общества, государства и личности [11]. Если в первых международных документах, посвященных правам человека, безопасность находилась в одном ряду с миром, спокойствием народа и благосостоянием государства (Билль о правах Великобритании 1689 г.); свободой, собственностью и сопротивлением угнетению (Декларация прав человека и гражданина Франции 1789 г.), то в современных условиях глобализации («естественного процесса эволюции мирового сообщества» [11]), имеющей объективный характер, жизнедеятельность человека выходит за пределы государств, достигая планетарных масштабов, что способствует возникновению новых вызовов и угроз [8, с. 3]. Поэтому безопасность страны уже не может быть обеспечена только неприкосновенностью государственных границ, в связи с чем, появляются новые ее виды (структурные элементы): ядерная, радиационная, технологическая, экологическая, продовольственная, человеческая, личностная, психологическая, демографическая, космическая, геополитическая, техносферная [11; 27, с. 7] (всего на современном этапе насчитывается более четырехсот пятидесяти видов национальной безопасности [12, с. 149]), что позволяет объединить их в безопасность глобальную [27, с. 8].

На современном этапе одним из направлений в достижении национальной безопасности является здоровье населения [26, с. 26]. Поэтому закономерно, что не последнее место в ряду глобальных угроз отводится борьбе с болезнями [8, с. 13], и, соответственно, глобальную проблему представляет собой безопасность пациентов [35]. Не случайно Э. Иззатдуст [5] считает, что в концепцию национальной безопасности должна входить (помимо прочих) безопасность медико-социальная, поскольку согласно классификации ООН обеспечение прав человека в любом государстве должно осуществляться не

только в таких сферах его безопасности, как: экономическая, продовольственная, экологическая, общественная, политическая, но также и в сфере безопасности для здоровья и личной безопасности. Последняя, с точки зрения того же автора, представляет собой состояние защищенности идеалов, целей, интересов, ценностей, а также жизни и здоровья человека от опасных воздействий (духовных, физических, социальных, информационных, техногенных, экономических, экологических, этнокультурных, военных, политических), в том числе медико-биологических, что является по сути реализацией конституционных прав и свобод человека.

Необходимо отметить, что О.А. Колоткина [9, с. 11] предлагает в рамках осуществления прав и свобод рассматривать все-таки не «личную безопасность» (как абстрактное понятие, выражающее неприкосновенность от угроз, рисков и опасностей), а «безопасность личности», заключающуюся не только неприкосновенности биологической сущности индивида, но и в процессе создания условий для его развития, формирования действенных механизмов реализации его прав и свобод. Данная точка зрения в целом согласуется с выводом М.П. Коваленко, согласно которому безопасность отражает состояние предельной защищенности жизненно важных интересов государства, общества и личности [7, с. 14]. Однако чтобы права человека превратились из возможностей, декларированных Конституцией РФ, в реальные блага, важно сформировать как правовой, так и социально-юридический (социальные и экономические меры) механизм их охраны [6, с. 128]. В связи с тем, что именно государство должно культивировать среду для правовой и социальной защиты личности [1, с. 72], а право на безопасность способствует созданию условий для реализации всей совокупности личных и социальных прав индивида (позволяющих раскрыть его биосоциальную природу) [1, с. 131], то обоснованно считать и обеспечение безопасности личности конституционной обязанностью государства [1, с. 147].

Возвращаясь к конституционному праву на охрану здоровья, следует учитывать, что среди способов его реализации возможны такие виды профессиональной медицинской деятельности (по оказанию медицинской помощи, предоставлению медицинских услуг, проведению клинических исследований), которые осуществляются в контакте с источниками повышенной опасности (возбудителями инфекционных заболеваний) или в процессе использования указанных источников. Последние – это трансплантируемые ткани и органы, донорская кровь, медицинские изделия, медицинское оборудование, репродуктивный биологический материал (половые клетки, ткани репродуктивных органов и эмбрионов) [24, с. 28]; клеточные технологии [22]; нанопрепараты [21]; трансплантируемые клетки, ткани и органы от животного другого биологического вида, чем человек (используемые в ксенотрансплантологии) [3, с. 34] и др. В ряду указанных источников находятся и лекарственные препараты (ЛП), опасность которых обусловлена негативными последствиями, возникающими при их применении.

Проблема лекарственной безопасности признается во всем мире, так как примерно 25% заболеваний на планете связана с использованием ЛП [16]. Особую настороженность вызывают ЛП, впервые выходящие на рынок, поскольку их профиль безопасности изучен не полностью. По указанной причине в США, например, специалисты здравоохранения охотнее назначают «старые», уже проверенные временем ЛП, в то время как на упаковки ЛП, обладающих потенциальным риском причинения вреда здоровью пациентов, наносятся специальные «метки» – черные прямоугольники («black-box warning») с соответствующей информацией о безопасности. И если в 2003 г. на рынке данной страны находился 21 ЛП с «black-box warning», то в 2006 г. – 58; в 2007 г. – уже 68 ЛП [34]. Таким образом, с течением времени проблема лекарственной безопасности не теряет своей актуальности, что не удивительно, ведь «поток» новых ЛП не иссякает. Наоборот,

каждый год только в РФ регистрируется около 1,5 тыс. ЛП [13, с. 140]. И если в 2012 г. в США был разрешен к применению 31 новый ЛП [32], а в Европе – 52 ЛП, то в 2013 г. Европейское агентство по лекарственным средствам ожидает еще 54 заявки на регистрацию новых молекулярных соединений [33].

Поскольку права пациентов являются специфическими, производными правами от общих (гражданских, политических, экономических, социальных и культурных) прав человека (взаимосвязанных и неделимых), реализация которых возможна при получении медицинской помощи и услуг, а также при любом медицинском воздействии, то во всех них право на безопасность может присутствовать опосредованно [9, с. 83]. Тем не менее Ю.С. Канина [6, с. 78] предложила рассматривать безопасность по отношению к остальным правам в качестве исходного права. Её вывод подтверждается положениями международных документов (Всеобщей Декларации, пактов, Европейской конвенции), содержащих нормы, закрепляющие безопасность в качестве института конституционного права; конституциями ряда европейских стран, в которых право на безопасность декларируется как естественное [1, с. 151]. А.Б. Литовка также считает, что общие положения о правах человека вполне применимы к сфере здравоохранения, составляя основу для совокупности прав пациентов медицинского учреждения, среди которых тот же автор выделяет и право на безопасность [14, с. 144].

По справедливому замечанию В.И. Макринской [17, с. 4], в Конституции РФ отсутствует упоминание о безопасности личности, в связи с чем, важны не только правовые меры по реализации интересов человека, но и постоянный контроль угроз им. Кроме того, с точки зрения С.И. Минченко, чтобы права человека не превратились в фикцию, необходимо создавать условия для их реализации (например, посредством поддержки определенными институтами государственной власти), что является прямой обязанностью государства [18, с. 22]. Таким образом,

если проблему безопасности в рамках конституционного права на охрану здоровья рассматривать как в качестве права пациентов на безопасность, так и в качестве права на лекарственную безопасность [15, с. 38], то для их осуществления следовало бы создать безопасные условия, что, согласно Стратегии национальной безопасности до 2020 г. [28] является основой для всех основных социальных, экономических и политических преобразований в стране.

Поскольку среди способов надлежащего исполнения государством своей обязанности признавать, охранять и защищать права и свободы, можно выделить процесс правотворчества, то одним из видов конституционной обязанности государства по осуществлению конституционного права на охрану здоровья и обеспечению безопасности пациентов при применении ЛП в ходе медицинской деятельности можно считать законодательную практику, а именно формирование такого правового поля (законодательно закрепленных основных обязательств государства по обеспечению и защите указанного права [2, с. 9]), в котором возможно создание безопасных условий. Иными словами, следует формировать непротиворечивое законодательство, позволяющее человеку и гражданину пользоваться гарантированными благами и защищать их. С точки зрения К.В. Сангаджиевой [23], защита социального права состоит не столько в установлении факта его нарушения, сколько в приведении в действие специального института государственной власти для восстановления нарушенного права.

Процесс создания безопасных условий (для решения проблемы лекарственной безопасности при осуществлении конституционного права на охрану здоровья) должен проводиться в направлении как организации безопасной медицинской деятельности [20], так и по пути контроля обращения безопасных ЛП [19], что, в конечном счете, будет способствовать повышению качества, эффективности и безопасности здравоохранения [25; 29]. Перечисленные мероприятия

выполнимы при их закреплении в нормативном правовом материале в области обеспечения лекарственной безопасности. Последний, в свою очередь, может быть представлен в виде совокупности законодательных актов как в сфере охраны здоровья [31] (регулирующих вопросы осуществления медицинской деятельности), так и в сфере обращения лекарственных средств [30] (регламентирующих вопросы организации производства, распространения, применения ЛП и т.п.).

Таким образом, развитие законодательства в области обеспечения лекарственной безопасности – это конституционная обязанность государства, которая заключается, прежде всего, в формировании безопасных условий (для реализации конституционного права на охрану здоровья) посредством создания соответствующей правовой среды, которая бы способствовала безопасному осуществлению медицинской деятельности с использованием ЛП, а также предоставляла бы доступ пациентам к безопасным ЛП.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Ардашев А.И. Конституционные основы обеспечения безопасности личности в Российской Федерации: дис...канд. юрид. наук. – Москва, 2008. – 179 с.
2. Бартенев Д.Г. Право на охрану здоровья в международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2006. – 193 с.
3. Бытева А.В. Спорные вопросы трансплантации: перспективы правового регулирования // Медицинское право. – 2010. – № 6 (34). – С. 31–36.
4. Гороховцев О.В. Конституционная ответственность в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2008. – 181 с.
5. Иззатдуст Э.С.О. Национальная безопасность в контексте защищенности прав человека: концептуальные подходы, российская политическая практика: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Москва, 2006. – 27 с.
6. Канина Ю. С. Теория прав человека и ее отражение в концепции национальной безопасности: дис... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2009. – 182 с.
7. Коваленко М.П. Стратегия обеспечения национальной безопасности современной России: механизмы противодействия вызовам и угрозам: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Ростов-на-Дону, 2008. – 17 с.
8. Кокунов К.А. Вызовы и угрозы национальной безопасности России в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Москва, 2009. – 26 с.
9. Колоткина О.А. Право личности на безопасность: понятие и механизмы обеспечения в РФ (теоретико-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2009. – 215 с.
10. Колодей И.А. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь как конституционная ценность: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб. – 2010. – 230 с.
11. Крылова И.А. Проблема безопасности России в глобальном контексте: социально-философский анализ: автореф. дис. ... докт. философ. наук. – Москва, 2002. – 53 с.
12. Куковский А.А. Национальная безопасность в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2011. – 237 с.
13. Культура безопасности лекарственной терапии / А.Л. Хохлов, А.Н. Яворский, В.С. Игнатъев и др. – Ярославль: Ремдер, 2011. – 156 с.
14. Литовка А.Б. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: дис ... канд. юрид. наук. – Москва, 2005. – 194 с.
15. Литовкина М.И. Проблема лекарственной безопасности при реализации конституционного права на охрану здоровья // Ученые записки РГСУ. – 2012. – № 5 (105). – С. 35–38.
16. Лопухин Ю.М. Биоэтика в России // Вестник РАН. – 2001. – Том 71. – № 9. – С. 771–774.
17. Макринская В.И. Концептуальные начала национального, международного и зарубежного законодательства в области охраны права на жизнь и обеспечения безопасности личности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2006. – 27 с.
18. Минченко С.И. Содержание и объем прав человека как проблема современной юридической науки // Представительная власть. – 2011. – № 4 (10). – С. 22–26.
19. Постановление Правительства РФ от 15.10.2012 № 1043 «Об утверждении Положения о федеральном государственном надзоре в сфере обращения лекарственных средств» // Собрание законодательства РФ. 2012. – № 43. – Ст. 5877.
20. Постановление Правительства РФ от 12.11.2012 № 1152 «Об утверждении Положения о государственном контроле качества и безопасности медицинской деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 47. – Ст. 6501.
21. Приказ Минпромторга РФ от 08.10.2009 № 909 «О включении в Реестр перспективных проек-

- тов в области фармацевтической и медицинской промышленности Министерства промышленности и торговли Российской Федерации» / Бизнес и власть [сайт]. URL: <http://www.lawmix.ru/expertlaw/28358> (дата обращения 15.04.2013 г.)
22. Проект Федерального закона «О биомедицинских клеточных технологиях» / Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [сайт]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902255772> (дата обращения 15.04.2013 г.)
 23. Сангаджиева К.В. Судебная защита конституционных социально-экономических прав граждан Российской Федерации: дис.... канд. юрид. наук. – Саратов, 2002. – 169 с.
 24. Соколова Н.А., Муленко А.В. Новеллы российского законодательства о применении вспомогательных репродуктивных технологий // Медицинское право. – 2013. – № 1 (47). – С. 26–30.
 25. Стратегия лекарственного обеспечения населения РФ до 2025 г. / Министерство здравоохранения Российской Федерации [сайт]. URL: <http://www.rosminzdrav.ru/health/guarantee/15> (дата обращения 15.04.2013 г.)
 26. Холодова Т.Ю. Конституционно-правовое обеспечение прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 155 с.
 27. Цветков М.Ю. Философские проблемы ноосферной безопасности: системно-синергетический подход: автореф. дис... канд. философ. наук. – Иваново, 2008 – 28 с.
 28. Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 20. – Ст. 2444.
 29. Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 598 «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 19. – Ст. 2335.
 30. Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 16. – Ст. 1815.
 31. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.
 32. FDA одобрило 35 лекарственных препаратов в 2012 г. / Фармацевтический вестник: информационно-аналитическая газета [сайт]. URL: <http://www.pharmvestnik.ru/publs/lenta/v-mire/fda-odobrilo-35-lekarstvennykh-preparatov-v-2012-g.html#.UP-0-d4ZeCk> (дата обращения 15.04.2013 г.)
 33. EMA ожидает увеличения количества заявок в 2013 г. / Фармацевтический вестник: информационно-аналитическая газета [сайт]. URL: <http://www.pharmvestnik.ru/publs/lenta/v-mire/ema-ozhidaet-velichenija-kolichestva-zajavok-v-2013-g.html#.UP-0zt4ZeCk> (дата обращения 15.04.2013 г.)
 34. Edwards I. R. The Good Old Drugs! // Drug Safety. – 2009. – Vol. 32 (№ 4). – P. 271–273.
 35. Selecting Indicators for Patient Safety at the Health Systems Level in OECD Countries / John Millar, Soeren Mattke and the Members of the OECD Patient Safety Panel. – OECD Health Technical Papers. – 2004. – № 18. – 45 p.

УДК 342.56

Севрюков Д.С.

Курский государственный университет

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОСНОВАНИЙ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ СУДЕЙ В 1936-1977 ГГ.

D. Sevryukov

Kursk State University

THE LEGISLATIVE REGULATION OF JUDGES' OFFICE TERMINATION IN THE PERIOD FROM 1936 TO 1977

Аннотация. В статье рассматривается специфика законодательного регулирования оснований прекращения полномочий судей. Анализируется общесоюзное законодательство и его конкретизация на уровне союзных республик. Делается вывод, что на протяжении рассматриваемого периода законодательство о прекращении полномочий судей совершенствовалось; передача на уровень республик законодательного регулирования вопросов судостроительства и судопроизводства стимулировало процесс активного нормотворчества республик. Положительным моментом в части правового регулирования прекращения полномочий судей явилось принятие законов о порядке их досрочного отзыва в ходе судебной реформы 1956-1964 гг. Эти акты ослабили роль исполнительных комитетов в процедуре прекращения полномочий судей, сделав шаг на пути формирования действительно независимого судейского корпуса.

Ключевые слова: советское право, судостроительство, судебная реформа, прекращение полномочий, дисциплинарная ответственность, судебное законодательство.

Abstract. The article considers the specificity of legislative regulation of the office termination for judges. The former Soviet Union legislation and its specification in the Union Republics are analyzed. The conclusion is made that during the period under study the legislative regulation of office termination for judges was in the process of continuous improvement: the transfer to the republican level of legislative regulation of the judicial system and legal proceedings stimulated the process of active rulemaking by the republics. The positive moment in legal regulation of judges' office termination was the adoption of laws on the order of judges' early revocation during judicial reform of 1956-1977. These acts weakened the role of executive committees in the procedure of termination of judges' office, making a step towards forming a truly independent judiciary.

Key words: Soviet Law, judiciary, judicial reform, office termination, disciplinary responsibility, judicial law.

Систематизация норм советского права в части прекращения полномочий судей впервые произошла в 1922 г. с принятием «Положения о судостроительстве РСФСР» [26]. В дальнейшем нормы данного акта были развиты и конкретизированы в «Положении о судостроительстве РСФСР» 19 ноября 1926 г. [27] и других законах о судостроительстве союзных республик, поскольку именно на республиканский уровень «Основами судостроительства Союза ССР и союзных республик» 1924 г. [25] были переданы вопросы формирования судейского корпуса.

К середине 1930-х гг. отечественное законодательство устанавливало лишь основания для досрочного прекращения полномочий судей, как-то: отзыв, смещение с должности по суду или в порядке дисциплинарного производства. Право на отзыв судей законодательство предо-

ставил преимущественно исполнительным комитетам (далее – исполкомы) различных уровней. Отсутствие правового регулирования оснований и процедуры отзыва приводило к необоснованным снятиям судей с должности, текучести кадров судейского корпуса.

Существенные изменения в части правового регулирования прекращения полномочий судей произошли во второй половине 30-х гг. В 1936 г. была принята очередная Конституция СССР [24], а в 1938 г. – закон «О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик» [13] (далее – закон «О судостроительстве» 1938 г.). Закон «О судостроительстве» 1938 г. устанавливал два основания освобождения судей от должности: отзыв или в силу состоявшегося в отношении них приговора суда (ст. 17). Прямо не закреплялось, но подразумевалось истечение срока полномочий.

В отличие от предшествующего законодательства коренным образом изменилась процедура отзыва судей. Как уже отмечалось, ранее это право предоставлялось исполкомам различных уровней или городским советам. Но новеллой Конституции явилось требование выбора народных судей гражданами района (ст. 109). Так как в советском судебном законодательстве действовал принцип отзыва судьи тем же органом (должностным лицом), которым он был избран на должность, то закон «О судостроительстве» 1938 г. передавал право отзыва судей избирателям. Толкование нормы ст. 17 позволяет сделать вывод, что избиратели имели право отзыва судей всех уровней судов общей юрисдикции. Однако закон по-прежнему не детализировал процедуру отзыва.

Законодатель отказался от такого основания досрочного прекращения полномочий, как смещение с должности в порядке дисциплинарного производства. Интересно отметить, что в первоначальном проекте «Положения о судостроительстве», разработанном на основе Конституции 1936 г., предлагалось упразднить дисциплинарную ответственность вообще как не обеспечивающую ре-

альную независимость судей, установленную Конституцией¹. (ст. 112 Конституции СССР гласила: «Судьи независимы и подчиняются только закону»). В итоге, дисциплинарная ответственность судей была сохранена, но как в законе «О судостроительстве» 1938 г., так и в указе Президиума Верховного Совета СССР «О дисциплинарной ответственности судей» [31] отрешение судьи от должности отсутствовало как вид дисциплинарного взыскания.

Пробельность закона «О судостроительстве» 1938 г. объясняется, на наш взгляд, тем, что его нормы должны были получить развитие в актах союзных республик. И хотя п. «х» ст. 14 Конституции СССР 1936 г. относил законодательство о судостроительстве и судопроизводстве к ведению СССР в лице его высших органов власти и органов государственного управления, в тексте закона «О судостроительстве» 1938 г. присутствовали указания на необходимость регулирования отдельных вопросов (в частности, формирования судейского корпуса), в законодательстве республик. Соответствующая норма вошла и в конституции субъектов СССР. Так, п. «ш» ст. 19 Конституции РСФСР 1937 г. [23] относил к ведению республики организацию судебных органов РСФСР.

Начавшаяся Великая Отечественная война прервала процесс нормотворчества в указанной сфере. Восстановление довоенной судебной системы, происходившей, по замечанию А.С. Смыкалина сразу же после освобождения оккупированных территорий [29, с. 82], должно было повлечь за собой и приведения законодательства республик в соответствии с общесоюзным, однако этого не произошло. В результате из актов, регулирующих основания прекращения полномочий судей как на союзном, так и на республиканском уровнях действовал исключительно закон «О судостроительстве» 1938 г., что приводило на практике к трудностям в его реализации. В частности, проблемы возникали с применением нормы об отзыве судьи ввиду

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. Р. – 9492. Оп. 1. Д. 1499. Л. 124

отсутствия соответствующего нормативно-правового акта. Хотя попытки принять указанный закон на общесоюзном уровне и предпринимались [см., напр.: 21], своего правового оформления они не получили.

Правовая неурегулированность процедуры отзыва судей приводила к массовым нарушениям закона «О судеустройстве» 1938 г. В частности, по имеющимся в Министерстве юстиции РСФСР сведениям, в отдельных краях и областях РСФСР имели место факты незаконного отстранения от работы народных судей, избранных в 1948-1949 г. в соответствии с «Положением о выборах народных судов». Народные судьи освобождались от работы решениями исполкомов краевых, областных и районных Советов депутатов трудящихся, когда райкомы и обкомы ВКП(б) выносили решение об исключении народного судьи из членов ВКП (б) и об освобождении его от работы, после чего народный судья механически отстранялся от должности или отчислялся приказом начальника краевого, областного управления Министерства юстиции РСФСР. Таким образом, 16 народных судей были отстранены в 1949 г. от работы в нарушении ст. 17 «Закона о судеустройстве СССР» 1938 г.

«До проведения выборов народных судов, – писал в докладной записке министру юстиции СССР заместитель министра юстиции РСФСР, – когда народные судьи избирались решением райисполкомов, снятие их с работы допускалось только по решению исполкомов краевых, областных советов. Тем более нетерпимым является нарушение закона об отозвании народных судей после избрания их населением, в соответствии с законом о Судеустройстве СССР»¹. В связи с этим с мест в Министерства юстиции СССР и союзных республик неоднократно поступали просьбы о даче указаний о порядке отзыва народных судей².

Очередная попытка принять закон об отзыве судей – на сей раз в РСФСР – была предпринята в конце 1940-х гг. По данным

А.Я. Кодинцева, «осенью 1949 г. обсуждался проект указа ПВС РСФСР, разработанный МЮ СССР, «О порядке отзыва избирателями народного судьи РСФСР». Проект предполагал, что поставить вопрос об отзыве могли не менее 5 организаций. На них этот вопрос должен был обсуждаться с приглашением судьи. После этого рай/горисполком в 5-дневный срок входил с представлением в облисполком. Облисполком в 10-дневный срок направлял заключение начальнику УМЮ. Тот направлял заключения в ПВС РСФСР. Отзыв мог возбудить только министр юстиции СССР или РСФСР. Если ПВС РСФСР признавал факт голосования граждан об отзыве обоснованным, то отзывал. Такая громоздкая процедура отзыва резко бы контрастировала с тем униженным положением, в котором пребывал народный судья» [См.: 20]. После длительной дискуссии проект об отзыве судей был снят с обсуждения в апреле 1950 г.

Интересно проследить основания, по которым судья мог быть снят с должности до истечения срока полномочий. Так, в 1949 г. в числе таких оснований назывались: смерть; привлечение к уголовной ответственности за взяточничество и другие преступления; злоупотребление и дискредитацию судебных органов (отстранено по каждому пункту по 22,3% судей); семейные обстоятельства; перевод на другую должность (по 5,3%); призыв в армию – 4,4%; сокрытие судимости, ареста – 3,3%; уход на учёбу; систематические нарушения социалистической законности и трудовой дисциплины – 1,1%; по другим основаниям – 2,1%.

В качестве причины отзыва назывались также плохая работа и слабо проводимая карательная политика; бытовое разложение, моральное разложение и пьянство. Одного судью отозвали, так как его жена в период оккупации приняла немецкое подданство, а он, избираясь, не сообщил об этом факте. Наибольшее число выбывших до срока полномочий приходилось на РСФСР – 60,6%, затем шла Грузинская ССР – 18%, Украинская ССР – 10,6%, Белорусская ССР – 4,3%, Казах-

¹ ГАРФ Ф. Р. – 9492. Оп. 1. Д. 2731. Л. 10

² Там же. Л. 2

ская ССР – 2,1%, Киргизская, Молдавская, Карело-Финская, Эстонская ССР – по 1,1%¹.

Отсутствие ряда законодательных актов в сфере судоустройства и судопроизводства, начавшаяся в стране либерализация общественных отношений, а также, по мнению Д.О. Серова, стремление к децентрализации государственного аппарата, расширению прав союзных республик и к «восстановлению и дальнейшему развитию ленинских принципов законности» [см.подробнее: 28] и ряд других причин обусловили проведение в стране судебной реформы 1956-1964 гг. В 1957 г. были внесены изменения в Конституцию СССР 1936 г. [11] в части отнесения к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик и судопроизводстве, а также принятия гражданских и уголовных кодексов; в ведении СССР оставалось лишь установление основ законодательства о судоустройстве и судопроизводстве, основ гражданского и уголовного законодательства. Новые права союзных республик были закреплены в конституциях этих республик. Упомянутый п. «ш» ст. 19 Конституции РСФСР 1937 г. приобрел следующий вид: «ведению Российской Советской Федеративной Социалистической Республики... подлежат: ...ш) законодательство о судоустройстве и судопроизводстве, гражданский и уголовный кодекс...»

На второй сессии Верховного Совета СССР пятого созыва 25 декабря 1958 г. были приняты «Основы законодательства о судоустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик» [14] (далее – «Основы» 1958 г.). Верховные советы союзных республик обязали привести законодательство союзных республик в соответствии с Основами общесоюзного законодательства. Традиционно, из перечня условий для прекращения полномочий судьи «Основы» 1958 г. устанавливали лишь основания досрочного лишения полномочий судей. К ним, согласно ст. 35, относились:

– во-первых, отзыв судьи избирателями или органом, судью избравшим – «Основы»

1958 г. уточнили положение закона «О судоустройстве» 1938 г., вернувшись к идее отзыва судьи тем органом (должностным лицом), которым он был определён к должности (порядок досрочного отзыва судей Союза СССР и союзных республик должен был, согласно ст. 35 «Основ» 1938 г., определяться соответственно законодательством СССР и союзных республик);

– во-вторых, вынесенный в отношении судей приговор суда, причём ст. 36 «Основ» 1958 г. специально оговаривала, что судьи не могут быть привлечены к уголовной ответственности, отстранены в связи с этим от должности или подвергнуты аресту;

а) народные судьи, председатели, заместители председателей и члены областных, краевых, городских судов, судов автономных областей и национальных округов и Верховных судов автономных республик – без согласия Президиума Верховного Совета союзной республики,

б) председатели, заместители председателей и члены Верховных судов союзных республик, а также народные заседатели этих судов – без согласия Верховного Совета союзной республики, а в период между сессиями – Президиума Верховного Совета союзной республики,

в) председатель, заместители председателей и члены Верховного Суда СССР, а также народные заседатели Верховного Суда СССР – без согласия Верховного Совета СССР, а в период между сессиями – Президиума Верховного Совета СССР,

г) председатели, заместители председателей и члены военных трибуналов – без согласия Президиума Верховного Совета СССР.

После принятия «Основ» 1958 г. начался активный нормотворческий процесс в союзных республиках. В течение 1959 г. были приняты законы о судоустройстве Узбекской ССР, Казахской ССР, Белорусской ССР, Армянской ССР, Латвийской ССР [17; 6; 4; 3; 8], в 1960 г. – законы о судоустройстве Молдавской ССР, Киргизской ССР, Литовской ССР, Грузинской ССР, Туркменской ССР, Украинской ССР, Эстонской ССР, РСФСР, Азер-

¹ ГАРФ Ф. Р. – 9492. Оп. 1. Д. 2731. ЛЛ. 20-34

байджанской ССР [10; 7; 9; 5; 16; 18; 19; 12; 2], Позже всех приняла закон о судоустройстве Таджикская ССР – в 1961 г. [15].

Нормы о досрочном прекращении полномочий аккумулировались преимущественно в первой главе республиканских законов о судоустройстве, называемой «Общие положения». Исключение составлял закон о судоустройстве Украинской ССР, где соответствующие положения оказались вынесены в главу V «Ответственность судей и народных заседателей». В отличие от закона «О судоустройстве» 1938 г. и «Основ» 1958 г., республиканские акты (кроме Азербайджанской, Казахской и Украинской ССР) отграничивали досрочное лишение полномочий от досрочного освобождения судьи от должности. Законодательство союзных республик устанавливало следующие основания досрочного освобождения судей от должности:

- а) в связи с длительной болезнью;
- б) в связи с переходом на другую работу;
- в) по семейным обстоятельствам;
- в) по их просьбе при наличии уважительных причин.

Анализируя практику за пять лет (1958-1963 гг.) досрочного прекращения полномочий судей областных, краевых судов, а также судов автономных областей и национальных округов РСФСР, Верховный Суд РСФСР приводит следующие цифры¹. В связи с уходом на другую работу было досрочно освобождено от должности – 17,6%; в связи с выдвижением на большую работу – 17,4%, в связи с уходом на пенсию – 16,2%; по сокращению штата – 12,4%; в связи с избранием в народные судьи – 11,5%; по семейным обстоятельствам – 7,6%; по состоянию здоровья – 5,2%; как несправившиеся с работой – 5,2%; в связи с арестом и привлечением к уголовной ответственности – 3,4%; за недостойное поведение – 1,5%; по другим причинам – 2%².

¹ Имеющиеся в нашем распоряжении статистические данные Верховного суда не разграничивают основания досрочного прекращения полномочий судей и лишения их полномочий.

² ГАРФ. Ф. А. – 428. Ол. 18. Д. 234. Л. 18-19

За три года (1960-1963 гг.) были досрочно освобождены от должности судьи районных (городских) народных судов по следующим основаниям: по состоянию здоровья – 29,3%; по семейным обстоятельствам – 17,3%; в связи с переходом на другую работу – 15,9%; по компрометирующим обстоятельствам 11%; в связи с уходом на пенсию – 9,8%; по сокращению штата – 6,1%; как не справившиеся с работой – 1%; по другим причинам – 9,6%³.

Досрочное освобождение народных судей от должности в РСФСР, а также Белорусской, Киргизской, Таджикской, Узбекской ССР производилось по решению исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся национального округа, автономной области, города, края, области (в РСФСР требовалось предварительное согласование с министром юстиции РСФСР). В Грузинской ССР досрочное освобождение народных судей осуществлялось Президиумом Верховного Совета Грузинской ССР, Президиумом Верховного Совета Абхазской АССР, Президиумом Верховного Совета Аджарской АССР и исполнительным комитетом Совета депутатов трудящихся Юго-Осетинской автономной области. В Армянской, Киргизской, Латвийской, Литовской Молдавской ССР, Туркменской, Эстонской – Президиумом Верховного Совета союзных республик. Ряд законов (в Киргизской, Латвийской, Литовской, Молдавской ССР) предусматривали необходимость представления Председателя Верховного Суда союзных республик о досрочном освобождении судей от должности.

Председатели, заместители председателей и члены краевых, областных, городских судов, судов автономных областей и судов автономных округов досрочно освобождались от должности по решению Совета депутатов трудящихся соответствующей территориальной единицы. Досрочное освобождение от должности председателей, заместителей председателя Верховного Суда республик утверждалось преимущественно Президиумами Верховного Совета союзных республик с последующей санкцией Верховного Совета республики.

³ Там же. Л. 39

В части правового регулирования досрочного лишения полномочий судей республиканское законодательство практически дословно дублировало норму ст. 35 «Основ» 1958 г., уточняя лишь, что порядок отзыва судьи устанавливается Положением об отзыве судьи соответствующей союзной республики. В течение 1961-1962 гг. в союзных республиках были изданы акты о порядке досрочного отзыва судей. Этот порядок регулировался Положениями, утверждёнными Указами Президиума Верховных Советов народных республик (РСФСР, Азербайджанская ССР, Киргизская ССР, Таджикская ССР) или специальными законами (Положениями), принятыми соответствующим Верховным Советом (в остальных республиках).

Евтеев М.П. [1] справедливо отмечает, что структура как законов, так и Положений всех союзных республик совпадала (за исключением БССР). Считаю целесообразным в связи с этим рассмотреть законодательное регулирование процедуры отзыва на примере «Положения о порядке досрочного отзыва судей и народных заседателей судов РСФСР», принятом в 1961 г. [30] (далее – Положение о порядке досрочного отзыва). Согласно ст. 1 Положения о порядке досрочного отзыва, народный судья мог быть досрочно отозван в том случае, если он а) не оправдал доверие избирателей или органа, его избравшего и б) если совершил действия, «недостойные высокого звания судьи».

Субъектами инициативы права отзыва выступали общественные организации и общества трудящихся. К ним закон относил коммунистические и партийные организации, профессиональные союзы, кооперативные организации, организации молодёжи и культурные общества в лице их центральных, республиканских, краевых, областных, окружных, районных, городских органов. Кроме того, в категорию «общественные организации и общество трудящихся» включались также общие собрания рабочих и служащих – по предприятиям и учреждениям, крестьян – по колхозам и селам, рабочим и служащим совхозов – по воинским частям.

При этом общественные организации или собрания трудящихся должны были сообщить об обсуждении вопроса об отзыве народному судье с изложением мотивов постановки вопроса. В этом случае народный судья имел право представить свои объяснения по поводу обстоятельства, послуживших основанием постановки вопроса о его отзыве. Объяснения могли даваться как в письменной, так и устной форме (ст.ст. 2-3). Решение об отзыве направлялось в исполнительный комитет районного, городского Совета депутатов трудящихся. В случае правильности соблюдения процедуры возбуждения вопроса об отзыве исполком назначал проведение голосования об отзыве (ст. 5).

Для решения вопроса об отзыве народного судьи, по предприятиям, учреждениям, колхозам, воинским частям, а также месту жительства избирателей созывались собрания избирателей района (города). Собрания по месту жительства избирателей организовывались исполкомами районных, городских, сельских или поселковых советов депутатов трудящихся. Собрание считалось правомочным при участии в нём большинства избирателей, работающих на данном предприятии, в учреждении, колхозе, совхозе, состоящих в воинской части, или большинства избирателей по месту их жительства (ст.ст. 7-9). Вопрос об отзыве обсуждался и решался открытым голосованием (ст. 7).

Для ведения собрания избирался президиум, который вел протокол собрания. В протоколе, в частности, указывалось: дата проведения собрания, общее число избирателей в данном коллективе, общее число избирателей, присутствовавших на собрании; фамилия, имя, отчество отзываемого народного судьи; число голосов, поданных за отзыв и против отзыва народного судьи (ст. 10). Протокол собрания, подписанный всеми членами президиума, представлялся в исполком. На основании протоколов собраний исполком производил подсчёт голосов, поданных по району (городу) за отзыв и против отзыва народного судьи и устанавливал результаты голосования (ст.ст. 10-11). Ре-

зультаты голосования об отзыве народного судьи должны были быть опубликованы не позднее пяти дней после их определения. Обязанность опубликования результатов возлагалась на исполком. Народный судья считался отозванным, если за отзыв проголосовало большинство избирателей района (города).

Особый порядок устанавливался для досрочного отзыва председателя, заместителя председателя и членов суда национального округа, суда автономной области, городского, областного, краевого суда, Верховного суда автономной республики, Верховного суда РСФСР. В частности, председатель, заместитель председателя и член суда национального округа, суда автономной области, городского, областного и краевого суда могли быть досрочно отозваны лишь по решению Советов депутатов трудящихся национального округа, Советов депутатов трудящихся национального округа Советов депутатов трудящихся автономной области, городского, областного, краевого Совета депутатов трудящихся. Основанием для досрочного отзыва председателя, заместителя председателя и члена Верховного суда автономной республики являлось постановление Верховного Совета автономной республики; для досрочного отзыва председателя, заместителя председателя и члена Верховного Суда РСФСР было необходимо постановление Верховного Совет РСФСР.

Такой сложный механизм отзыва судьи с должности являлся гарантией его независимости, защитой от произвольного снятия с должности органами исполнительной власти. В целом факт принятия актов, регулирующих процедуру отзыва судей – впервые за четыре десятилетия существования советской судебной системы – следует оценивать положительно. Детальная регламентация процесса и установление оснований для отзыва являлись важным шагом на пути к созданию действительно независимого суда. Вместе с тем, участие исполкомов в процедуре досрочного отрешения судьи от должности, по-прежнему ставило судей в зави-

симость от исполнительной власти. Следует согласиться с авторами, полагающими, что по существу именно исполкомы лишали судью его полномочий [22, с. 74]. Такое основание отзыва, как «не оправдал доверия избирателей» допускало широкую трактовку и могло служить инструментом для удаления властями неугодных судей и т.д. В отдельных случаях не служила препятствием и чрезмерно детализированная и усложнённая процедура отзыва. Сосредоточение обязанностей как по досрочному прекращению полномочий судей, так и по их отзыву в одном органе (исполкоме или Советах депутатов трудящихся) сделало возможным подмену отзыва судьи его увольнением от должности «по уважительным причинам», на что неоднократно обращал внимание Верховный Суд РСФСР¹.

Указанный порядок досрочного прекращения полномочий судей существовал вплоть до конца 1970-х гг. В 1977 г. была принята новая общесоюзная Конституция (лишь с небольшими изменениями воспроизводящая нормы Конституции СССР 1936 г. в сфере судостроительства), вслед за которой последовало и принятие республиканских Конституций. Следует согласиться с А.С. Смыкалиным, отмечающим, что с учетом незначительной новизны конституционных положений по вопросам правосудия, Верховный Совет СССР не считал целесообразным принимать новые Основы законодательства о судостроительстве [29, с. 188]. Принятие новых законов как о судостроительстве, так и о порядке отзыва судей было осуществлено лишь на республиканском уровне в начале 1980-х гг.

Подведём итог. Принятие в 1936 г. общесоюзной Конституции послужило толчком для разработки нового закона о судостроительстве СССР, изменившего порядок досрочного освобождения судей от должности. На основе конституционного положения Конституции СССР 1936 г. – принципа независимости судей и подчинения их только закону, нормативно устанавливался принцип отзыва судей избирателями. Передача

¹ ГАРФ. Ф. А. – 428. Оп. 18. Д. 234. Л. 45-46

на уровень республик законодательного регулирования вопросов судостроительства и судопроизводства стимулировало процесс активного нормотворчества республик. В ходе судебной реформы 1956-1964 г. были приняты республиканские акты о судостроительстве, отличающиеся более высоким уровнем законодательной техники по сравнению с актами предыдущего периода. Лишение полномочий отграничивалось от досрочного их прекращения Положительным моментом в части правового регулирования прекращения полномочий судей явилось принятие законов о порядке их досрочного отзыва. Эти акты ослабили роль исполнительных комитетов в процедуре прекращения полномочий судей, сделав шаг на пути формирования действительно независимого судейского корпуса.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Евтеев М. П. Законодательство союзных республик о дисциплинарной ответственности судей и досрочном отзыве судей и народных заседателей // Советское государство и право. – 1964. – № 3. – С. 117-120.
2. Закон Азербайджанской ССР от 8 декабря 1960 г. «О судостроительстве Азербайджанской ССР» // Бакинский рабочий. – 11 декабря 1960 г. – № 288.
3. Закон Армянской ССР от 20 ноября 1959 г. «О судостроительстве Армянской ССР» // Ведомости Верховного Совета Армянской ССР. – 1959. – № 13.
4. Закон Белорусской ССР от 20 ноября 1959 г. «О судостроительстве Белорусской Советской Социалистической Республики // Собрание законов, указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, постановлений и распоряжений Совета Министров Белорусской ССР. – 1959. – № 16.
5. Закон Грузинской ССР от 25 июня 1960 г. «О судостроительстве Грузинской ССР» // Ведомости Верховного Совета Грузинской ССР. – 1960. – № 6.
6. Закон Казахской ССР от 22 июля 1959 г. «О судостроительстве Казахской Советской Социалистической республики // Ведомости Верховного Совета и Правительства Казахской ССР. – 1961. – № 30.
7. Закон Киргизской ССР от 25 мая 1960 г. «О судостроительстве Киргизской Советской Социалистической Республики» // Ведомости Верховного Совета Киргизской ССР. – 1960. – № 15.
8. Закон Латвийской ССР от 27 ноября 1959 г. «О судостроительстве Латвийской Советской Социалистической Республики // Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской ССР. – 1959. – № 32.
9. Закон Литовской ССР от 8 июня 1960 г. «О судостроительстве Литовской ССР» // Ведомости Верховного Совета и Правительства Литовской ССР. – 1960. – № 13.
10. Закон Молдавской ССР от 16 апреля 1960 г. «О судостроительстве Молдавской Советской Социалистической Республики» // Ведомости Верховного Совета Молдавской ССР. – 1960. – № 2.
11. Закон от 11 февраля 1957 г. «Об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, принятия гражданского, уголовного и процессуального кодексов» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1957. – № 4.
12. Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. «О судостроительстве РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40.
13. Закон СССР от 16 августа 1938 г. «О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик» // Ведомости ВС СССР. – 1938. – № 11.
14. Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик» // Ведомости ВС СССР. – 1958. – № 1. – Ст. 12.
15. Закон Таджикской ССР от 5 января 1961 г. «О судостроительстве Таджикской ССР» // Ведомости Верховного Совета Таджикской ССР. – 1961. – № 2.
16. Закон Туркменской ССР от 29 июня 1960 г. «О судостроительстве Туркменской ССР» // Ведомости Верховного Совета Туркменской ССР. – 1960. – № 8.
17. Закон Узбекской ССР от 21 мая 1959 г. «О судостроительстве Узбекской Советской Социалистической Республики» // Ведомости Верховного Совета Узбекской ССР. – 1959. – № 6.
18. Закон Украинской ССР от 30 июня 1960 г. «О судостроительстве Украинской ССР» // Ведомости Верховного Совета Украинской ССР. – 1960. – № 23.
19. Закон Эстонской ССР от 19 августа 1960 г. «О судостроительстве Эстонской ССР» // Ведомости Верховного Совета Эстонской ССР. – 1960. – № 27.
20. Кодинцев А.Я. Выборы народных судей СССР в 1948-1954 гг. // Администратор суда. – 2008. – № 3. – С. 39-43.
21. Кодинцев А.Я. Споры о роли и месте народных и общественных судов в судебной системе СССР в середине 30-х годов XX века // Российский судья. – 2007. – № 2. – С. 45-47.
22. Конституционные основы правосудия в СССР / под ред. В.М. Савицкого. – М.: Наука, 1981. – 360 с.

23. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики // История Советской Конституции (в документах). 1917-1956. – М.: Госюриздат, 1957. – С. 749-771.
24. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1936. – 6 дек.
25. Основы судостройства Союза ССР и союзных республик (утв. Постановлением ЦИК СССР от 29 октября 1924 г.) // СЗ СССР. – 1924. – № 23. – Ст. 203.
26. Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. «О введении в действие Положения о судостройстве Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. – 1922. – № 69. Ст. 902.
27. Постановление ВЦИК от 19 ноября 1926 г. «Об утверждении Положения о Судостройстве Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. – 1926. – № 85. – Ст. 624.
28. Серов Д. О. Сколько было судебных реформ в истории России? (Опыт историко-правового анализа) // Россия как цивилизация: сб. науч. тр. – Новосибирск: ИД «Сова», 2008. – С. 197-236.
29. Смыкалин А.С. История судебной системы России. – М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2010. – 230 с.
30. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об утверждении Положения о порядке досрочного отзыва судей и народных заседателей судов РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1961. – № 40. – Ст. 558
31. Указ Президиума ВС СССР от 29 июля 1940 г. «О дисциплинарной ответственности судей» // Ведомости ВС СССР. – 1940. – № 28.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МЕЖВУЗОВСКИЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ НА ТЕМУ: «КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ»

22 февраля 2013 г. в соответствии с планом научно-исследовательской работы прошел Межвузовский Круглый стол на тему: «Концепция развития гражданского права: настоящее и будущее». Инициаторами его проведения выступили заведующие профильными кафедрами Московского государственного областного университета, Российского государственного университета туризма и сервиса, Московского психолого-социального университета и Московского института предпринимательства и права.

В процессе проведения и организации Круглого стола приняли участие представители профессорско-преподавательского состава профильных кафедр указанных высших учебных заведений, аспиранты и практические работники.

В ходе дискуссии были затронуты общие положения Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, проблемы гражданско-правового регулирования имущественных и личных неимущественных отношений, обсуждены вопросы правового регулирования правовой ответственности на современном этапе развития гражданского законодательства.

Результаты Круглого стола показали насколько важна, актуальна, востребована и, главное, своевременна была организованная научно-практическая дискуссия.

По итогам работы планируется издание сборника научных работ.

В работе Круглого стола активное участие приняли Гольшев В.Г., Семькин В.В., Прокопенко О.Н., Гольшева А.В. и другие специалисты-правоведы.

Коллектив кафедр, принявших участие в работе Круглого стола, выражает глубокую признательность и благодарность всем учёным-юристам, принявшим участие в дискуссии.

Информацию подготовил *к.ю.н. Семькин В.В.*

НАШИ АВТОРЫ

Гольшев Вадим Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права Московского государственного областного университета, начальник учебно-методического управления Московского государственного областного университета; e-mail: vg.golyshev@mgou.ru.

Гольшева Антонина Владимировна – декан юридического факультета Московского института предпринимательства и права; e-mail: privatpravo@rambler.ru.

Козьякова Наталия Сергеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: nat5985@yandex.ru.

Куркина Наталья Васильевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой предпринимательского права Московского государственного областного университета; e-mail: natakurkina@mail.ru.

Литовкина Маргарита Ивановна – аспирант кафедры конституционного и административного права Российского государственного социального университета; e-mail: mar-lit@yandex.ru.

Прокопенко Ольга Павловна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Московского государственного областного университета; e-mail: olga300pp@mail.ru.

Сарнавский Александр Николаевич – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, полковник юстиции Министерства обороны Украины; e-mail: general.kiev13@mail.ru.

Севрюков Даниил Сергеевич – аспирант кафедры теории и истории государства и права Курского государственного университета; e-mail: sevrukovdanil@mail.ru.

Семькин Вячеслав Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Московского государственного областного университета; e-mail: vsemykinv@yandex.ru.

Шнякина Татьяна Сергеевна – старший преподаватель кафедры гражданского права Московского государственного областного университета; e-mail: tasha.87@mail.ru.